

Павел А. Васильев

**ВЕЧНА ТОЛЬКО
ТЪМА**

Из пыли времен

Павел Васильев

**Вечна только тьма.
Из пыли времен**

«Издательские решения»

Васильев П. А.

Вечна только тьма. Из пыли времен / П. А. Васильев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839073-9

В поисках мести Лита отправляется в сердце Яркого Мира. Она готова, если потребуется, использовать Дар Морета и обречь себя на вечное служение Проклятому Богу, лишь бы утолить жажду крови... А в Сером Мире, сны открывают принцу Марену завесу прошлого. Из времен далеких и забытых проглядывает истина... Но если легенды оказываются правдой, а пророчества начинают сбываться, сколько пройдет прежде, чем мифы станут явью? И какие тайны откроются, когда поднимется пыль времен?

ISBN 978-5-44-839073-9

© Васильев П. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. 7 Эон, 473 Виток, 60 День Зимы	6
Глава 1. 7 Эон, 481 Виток, 47 День Зимы	19
Глава 2. 7 Эон, 481 Виток, 2 День Лета	27
Глава 3. 7 Эон, 481 Виток, 13 День Осени	32
Глава 4. 7 Эон, 482 Виток, 39 День Осени	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вечна только тьма Из пыли времен

Павел Александрович Васильев

© Павел Александрович Васильев, 2017

ISBN 978-5-4483-9073-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. 7 Эон, 473 Виток, 60 День Зимы

Сапфиры глаз сверкают во тьме. Скалятся молочно-белые клыки. Сквозь стиснутые зубы доносится гортанное рычание. Черный волк глядит зло и затравлено. Лапы еле держат, но он не отступает: бежать нет сил; левая передняя – едва касается алеющего снега. Разодранная грудь искрится влагой в свете Ночного Солнца, по густой шерсти на белый снег струится кровь.

За спиной частоколом возвышается граница леса, а впереди – открытое пространство равнины. Черные крепостные стены угловатой громадой встают на горизонте.

Он знает, что умирает. Он готовится к последнему рывку. Он еще может стиснуть зубы на мягком горле в последний раз! Но...

Девочка тянет к нему открытые ладони. Васильковые глаза цепко «держат» сапфировый взгляд. Она уступает в росте, но на детском лице нет страха. Она видит его боль – черный зверь только притворяется злым, но ему больно. Очень больно...

– Лита, не беги, – Деррис Морте отступает чуть в бок, не спуская глаз с хищника. – Отходи медленно.

Десять шагов... Он не успеет оказаться рядом. Но стрела успеет! Стоит зверю лишь качнуться в сторону дочери, стоит лишь дрогнуть шерсти на загривке – древко стальным жалом вонзится в черную пасть!

– Лита, медленно отступай, – повторяет Деррис.

Черный зверь дергает ухом на скрипнувшую тетиву, но не отрывает от девочки взгляда. Нужно сейчас! Последний шанс! Задние лапы уже немеют, еще чуть-чуть и сил не останется даже достойно умереть!

Но девочка ступает в сторону, загораживая волка от взгляда смертоносной стали.

– Лита! – вырывается у Дерриса сдавленный возглас.

Черный хищник медлит.

Васильковые глаза приближаются. Маленькая ладошка касается морды... Как?! Как он подпустил ее так близко?! Грудь из последних сил выталкивает рык... И девочка отвечает! Звук тихий, едва уловимый, но в нем столько силы... Черный зверь никогда не пасовал даже перед стайей своих серых собратьев. Лишь изредка уступал дорогу беру. Но сейчас каменеет. Никогда прежде он не слышал ничего подобного, но кровь холодеет в жилах. Кровь помнит все...

Детские пальцы скользят по черной шерсти, но зверь не двигается. Чешет за ушами, как какого-то домашнего пса! Но он не смеет поднять голос.

Снег скрипит под ногой Дерриса, мужчина пытается зайти сбоку. Но дочь вновь отходит в сторону, закрывая зверя; лобастая голова чуть поворачивается следом.

Девочка закатывает рукав, и маленькие клыки впиваются в запястье.

Зверь дергает носом, почуяв чужой запах, аромат овеивает морду и волнами разносится окрест. Сладкий, дурманящий... Но он не способен оторваться от васильковых глаз.

Свежий багрянец струится на снег, дорожка приближается... И в груди просыпается утихшая боль! Нос морщится, выступают стиснутые зубы. Но зверь терпит. Она «велела» терпеть!

Запястье девочки давит на разодранный бок. Теплая кровь проникает в плоть. И «огонь» прокатывается до кончика хвоста! Рану жжет сильнее. Мышцы сводит до ломоты в суставах. Но он не может пошевелить и ухом: васильковые глаза, словно тиски сжимают волю... Левая ладошка поглаживает за правым ухом. Это отвлекает...

Аромат хвои врывается внезапно. Ударяет с такой силой, что легкие захлебываются. Воздух распадается на сотни знакомых, четко различимых запахов. Звуки оглушают... Иголки бьются друг о друга с хрустальным звоном. Птицы в вышине... Он слышит, как трепещут

на ветру распахнутые крылья, как шелестят перья. Суматошно колотятся мелкие сердца... Их запах близок, будто уткнулся носом. Все вокруг, как на ладони.

Немота в мускулах отпускает, и он едва не валится на снег. Но лапы держат неожиданно твердо. Дрожь проходит вместе с жаром и болью, лишь чуть щиплет разодранный бок.

– Нужно перевязать, – доносится тихий девичий голос.

Лита протягивает руку назад, не отрываясь от сапфировых глаз. Зверь уже сам ластится к маленькой ладошке, что чешет за ухом. Вздыхает тетива, то ли облегченно, то ли разочарованно. Трещит рвущаяся рубаха...

Перевязь ложится плотно, легкие хищника на мгновение замирают. Ткань стискивает ребра, но это не та боль, что обессиливает. Смерть еще пытается уцепиться за черный загривок, но липкие пальцы соскальзывают, холодное дыхание уже не слышно над ухом. Мир стремительно уменьшается. И звуки, и запахи съеживаются до привычных. После столь ярких ощущений, словно окунули в озеро: уши заложены, нос забит. Но сердце бьется ровно, дышится легко.

Девочка отнимает руку, и васильковые глаза впервые моргают, разрывая «цепь». Но сапфиры ждут все с той же покорностью.

– Ступай, – звучит детский голос.

Зверь склоняет голову. Левая лапа осторожно трогает снег – слабость осталась, но она уже не подгибается под собственным весом.

– Ступай, – настойчиво повторяет девочка.

И зверь боком отступает. Лес принимает с распростертыми объятиями, ветви смыкаются за спиной. Лишь следы лап и алая дорожка на белеющем «покрывале» отмечают путь.

– Я спасла его, – улыбается Лита, оборачиваясь к отцу.

Лицо Дерриса застыло напряженной маской, рука стискивает изогнутое дерево с наложенной стрелой, влажный лоб блестит в свете Ночного Солнца; на черной шерстяной рубахе не хватает левого рукава. Но небесные топазы глаз смотрят на дочь с гордостью: в ней нет ни капли страха!

Отец нежно берет протянутую маленькую ладонь, когда девочка подходит. Детские ножки ступают легко и мягко, шаги стелятся по «белому пуху», почти не оставляя следов. Запястье уже не кровоточит и быстро затягивается.

– Ух, маме-то расскажу – не поверит... – довольно начинает Лита.

Но отец останавливает:

– Пожалуй, маме об этом знать не нужно.

Лита открыла глаза. Тьма медленно расступалась перед заспанным взором; очертания комнаты проступали серыми тенями. Морозный зимний воздух заползал под меха, заставляя укутаться с головой. Поленья в камине под утро едва тлели, языки пламени изредка вспыхивали, но уже не справлялись. И все же накопленного тепла еще хватало, чтобы понежиться.

Ночное Солнце скрылось за восточным Крайним Хребтом, но до рассвета еще осталось время – за шесть витков своей жизни девочка не видела иного.

В такие моменты тьма безраздельно властвовала в Ардегралетте, и мир погружался в объятия Истинной Ночи. И только бесстрашная стихия решалась нарушить звенящую тишину. Сбивчиво шумел ветер, бросая в стекло снег, и огонь иногда просыпался – лизнет полено, стрельнет искрами, осмотрится и прячется вновь... Да, и волки порой тоскливо подвывали, провожая своего покровителя.

В последнее время девочка часто просыпалась в такие моменты: перед восходом. Переворачивалась на бок и лежала в ожидании, когда сквозь окна начнет пробиваться серебристый утренний свет.

Вот он крадется по полу, мало-помалу заполняет комнату, выхватывая из темноты тумбу, шкаф у двери и постепенно подползает ближе. Тьма рассеивается, уступая место новому дню.

И пусть для Свободных Охотников это не имело особого значения, так девочке нравилось больше. Краски становились ярче и насыщеннее, воздух прозрачнее, и, казалось, даже дышится легче.

Вышитое полотно, что висело напротив кровати, оживало. Трава наливалась живым нефритовым соком, а небо искрилось ясной лазурью. Речка звонко журчала вдоль крутого утеса, прячась за излучиной, а одинокое деревце довольно покачивало ветвями.

И еще солнце. Оно вспыхивало «золотым огнем», таким губительным для Литы. Оно сожгло бы дотла, стоит лишь к нему прикоснуться...

Но в Сером Мире нет солнца. Точнее, такого, как на картине. Оно не светит столь ярко и теплые ладони не касаются шеи. Не отбрасывает темные и четкие тени. Не убивает и не причиняет вреда. Просто мутное пятно на затянутом облаками небе, просто свеча за тонкой плотной занавесью.

Наблюдая, как серебристые лучи карабкаются по стене, Лита вспоминала день, когда отец принес картину этого удивительного мира...

– Когда Мир был еще совсем молодым... – начал Деррис Морте, присев на край кровати.

– Молодым, как я? – перебила Лита, взглянув на отца васильковыми глазами.

Поерзала на простынях, усаживаясь поудобнее и готовясь слушать очередную увлекательную историю. В правое ухо потрескивал камин, заглушая вой метели, чье морозное дыхание нет-нет, да гладило плечи.

Отец улыбнулся, откинув прядь растрепанных черных волос дочери за ухо.

– Да, малышка, как ты. Когда Мир был молодым, им безраздельно правили Боги. Они давали жизнь и забирали ее. Творили и разрушали. Никто не мог поколебать их Волю.

Даже среди Свободных Охотников, возраст Дерриса вызывал почтение. За прошедшие столетия лицо покрылось сетью мелких морщин, а в черных волосах, что спадали на плечи, и густой бороде уже мелькало серебро. Но выглядел он, скорее, зрелым, нежели старым. Взгляд цвета небесных топазов до сих пор оставался живым и ярким, хоть в них часто и проскальзывала усталость, словно на плечи обрушился весь хребет Стальных гор... Да, так, наверное, и бывает, когда живешь долгой жизнью Охотника.

Отец наблюдал, как ладонь дочери с опаской касается солнца на картине. Маленькие пальцы осторожно трогают, отдергиваются, трогают вновь – проверяет, не обожжет ли. Детские губки надуты, рука тянется медленно и осторожно, словно хочет погладить «колючий клубок», а тот фыркает, сворачиваясь, оставляя лишь угольный носик принюхиваться из иголок. Но девичье любопытство вновь и вновь берет верх и толкает руку вперед.

Даже в рваном свете пламени, картина выглядит удивительно живой.

Теперь за окном куда меньше красок. И все – с налетом серого. Уже и не осталось тех, кто видел другие времена, но инстинкты не умирают. Кровь помнит все...

– Но чем старше становился Мир, – продолжал отец, – чем больше жизни, созданной Богами и их детьми, появлялось в нем. Тем меньше Боги успевали следить за всем. И они передавали часть власти своим детям, а те своим. А кому не доставалось, разбредались по миру, населяя его и забирая малый кусочек, чтобы иметь хоть что-то свое. Место, где они сами себе были Богами.

Лита вскинула голову, оторвавшись от полотна, васильковые глаза блеснули.

– Значит, все мы – дети Богов?

– В каком-то роде, да, – кивнул Деррис.

Меж бровей девочки пролегла складка, вздернутый носик задумчиво наморщился.

– Но... ты говорил, что Первожденные опасны? Что они не любят нас?

– Говорил, – вновь кивнул отец.

Поджав губы, дочь разглядывала вышивку; непослушная прядь вновь упала на лицо. Пальцы скользили по стежкам, чуть царапая ноготками зеленую траву, «окунались» в прозрачную воду.

– Но почему они не любят нас? – глаза девочки вновь обратились к отцу. – Мы же, получается, их дети?

Губы Дерриса растянулись, складки вынырнули из бороды, очерчивая щеки, а у глаз собрались морщинки; из груди вырвался смешок, пламя сверкнуло на белоснежных зубах. Рука вновь отвела непослушную прядь с лица дочери.

– И в кого ты такая умная?

– В маму, – Лита довольно вскинула подбородок, ластясь к широкой ладони. – Ты сам говорил.

– Ну, да, – усмехнулся отец, не отнимая руки; черные локоны шелком струились сквозь пальцы, щекотали кожу.

– Почему они не любят своих детей? – не унималась девочка.

Деррис протяжно вздохнул, собираясь с мыслями. Взгляд скользнул за окно, где кружила вьюга, делая мир хоть и непроницаемым для взора, но все же чуть светлее.

Безудержная любознательность Литы нередко доставляла хлопот и беспокойства. Пытливый детский ум постоянно жаждал знаний, а память услужливо хранила любую полученную информацию, запоминала все подряд и никогда ничего не забывала.

И именно поэтому слова должны быть обдуманы и взвешены. И понятны, хоть и сообразительному, но ребенку.

– Точно так же мы отбираем плохие яблоки. Например, гнилые или червивые.

Девочка хитро прищурилась, явно собираясь сходу возразить. Но что-то поняла, губы сомкнулись, а лицо помрачнело.

– Значит, мы... – детский голос дрогнул, – плохие?

Деррис, печально улыбаясь, смотрел на дочь. Ладонь тыльной стороной коснулась девичьей щеки.

– Нет, малышка. Мы – не плохие. Мы – другие. В плохих яблоках тоже есть семена, из которых могут вырасти хорошие яблони и принести замечательные плоды.

На юном лице мелькнуло понимание, а Деррис продолжал:

– Не всегда можно сразу увидеть то, что внутри. Особенно, если не привык заглядывать глубоко, – и легонько щелкнул дочь пальцем по носу.

Лита просияла – картина скользнула с колен, – и руки обвили вокруг отцовской шеи, а звонкий голос шепнул на ухо:

– Значит, они еще полюбят нас. Старые яблони сменяются новыми, не спрашивая никого!

Серебристый свет полз по стене, цепляясь за раму холста. Лита смотрела на картину и любовалась.

Золотое Солнце играло опасными лучами. Но в детских глазах не выглядело смертью и разрушением, а показывало – каким чудесным может быть мир. Богатое воображение рисовало перед взором густой «нефритовый ковер», трепещущий от легкого дуновения ветра, мелкую рябь на чистой лазури журчащей реки, сверкающей бликами...

Шум грубо выдернул в серую, остывающую комнату. С улицы доносились крики, а спустя мгновение к ним прибавился звон металла. Грохот, что звучал сперва далеко, быстро нарастал. Вопли становились громче и ближе, множилось. Звон металла сменился лязгом, будто одновременно заработали сотни кузнецов, и сотни подмастерьев потянули цепи мехов, раздувая горы. Пламя в камине испуганно дрогнуло и спряталось.

Лита села в кровати, настороженно прислушиваясь к суете. Стены замка смазывали звуки, но девочка понимала – доброго в этих криках мало.

В коридоре раздался топот, дверь с грохотом распахнулась, едва не сорвавшись с петель, и в комнату вбежала мама. Рука придерживала подол ночной сорочки, чтобы тот не путался под ногами, растрепанные пряди свободно струились по плечам, а на красивом, обычно улыбочивом, лице читалась тревога. Черты напряженно обострились, сделав овал несколько угловатым, подчеркнув ямочку на подбородке. В лазурных глазах билась тревога, и казалось, они несколько угасли.

– Лита! Вставай! – женщина кинулась к кровати, резко срывая меха, ладонь стиснула хрупкое запястье. – Ну же, скорее!

Сумрачные коридоры Хемингара встретили унылой пустотой. Каменный пол охлаждал босые ноги. Гербовые знамена на стенах чуть вздрагивали, когда они пробежали мимо. Знакомый запах смолы и воска в разбавленном свежестью воздухе привычно щекотал ноздри.

Но среди ароматов присутствовали и другие, незнакомые Лите.

– Куда мы? – тихо пролепетала девочка, еле поспевая за матерью.

Ранна не ответила, крепче сжав маленькую ладонь.

Каменные ступени мелькнули под ногами, и открылся тронный зал.

Обычно пустующее помещение, заполнили Свободные Охотники. Женщины успокаивали хлюпающих детей, многие всхлипывали сами. На мужчинах бряцали доспехи. Часть стражи отгородила массивные, обитые сталью, двери алым барьером плащей. Другие подгоняли женщин в сторону кухни, расположенной в глубине зала.

Десятки ног топтали ковровые дорожки, что стелились до возвышения белого, вырезанного из кости, трона. От суеты нервно дергались чадающие факелы, стреляли бликами серебряные мечи на алом поле знамен. И за всем этим с любопытством наблюдали существа, похожие на ящеров с перепончатыми крыльями, застывшие в глухих арках стен.

Высеченные из камня, они выдавались по обе стены тронного зала, застыв на гранитных пьедесталах. Под чешуйчатой броней, заботливо выведенной камнетесом, бугрились мускулы. Костистые головы, усеянные шипами и отростками, а некоторые – увенчанные рогами, замерли в ожидании. И драгоценные камни глаз различных цветов взирали с высоты огромного роста.

Ни одно из существ не походило на другое, но всех объединяло безмолвное величие.

Отец, рассказывая мифы и легенды, называл их Крылатыми Змеями или Древними драконами. Но среди всего многообразия Лита отдавала предпочтение одному, что возвышался за тронном, словно страж за спиной правителя.

Айдомхар – так его называл отец. Самый могущественный из Древних драконов.

Из сомкнутой пасти отполированным камнем выпирали клыки, а на гранях обсидиановых глаз отблесками играло пламя факелов. И казалось, будто огонь живет в них и рвется наружу. Мускулы перекачивались под чешуей, стоило отступить в сторону. А если приблизиться к трону, Крылатый Змей нависал могучим исполином, всматриваясь в рискнувшего потревожить покой – немногие выдерживали бездонный взгляд, чтобы не склонить голову в учтивом поклоне.

На широкой груди Айдомхара выдавались изогнутые роговые отростки – не менее грозное оружие, чем острые когти. Широкий лоб переходил в толстые короткие рога, и дальше по спине в два ряда бежал массивный костистый гребень. Иссеченные вздутыми жилами передние лапы опирались на меч, вонзенный в гранитные плиты пола. А раскинутые кожистые крылья, обнимали двух драконов, стоящих по бокам.

Левое крыло заботливо укрывало изящного Крылатого Змея с изумрудными глазами. Более плавные обводы тела придавали ему грациозности и утонченности, но шипы, обрамляющие челюсть и обтянутые перепонками, не оставляли сомнений в свирепом характере – такие «украшения» ни к чему мирному существу. Голову Змея венчали короткие рога, изогнутые,

словно плечо лука, а кости поменьше красовались на лбу, будто корона. Во взгляде бушевал смарагдовый гнев, прожигающий до костей.

«Райгруа, – говорил отец, держа еще маленькую Литу на руках, – один из Древних драконов, что в Начале Времен делили мир с Богами. В небе нет равных им и по сей день. Даже теперь, когда драконы ушли, самые бесстрашные птицы не рискуют подниматься выше облаков».

Коготь правого крыла Айдомхара покоились на плече Эйграмера. В отличие от Райгруа, сложением Змей не уступал любимцу Литы: валуны мышц, перетянутые тугими жилами, масляно блестящие пластины груди, лобастый, угловатый череп, увенчанный длинной спиралью роговых костей.

Оскал Эйграмера больше походил на хищную ухмылку. Но при первом же взгляде в налитые кровью рубины, дыхание замерзло в легких, и рубаха прилипла к хребту – дважды в эти глаза мало кто осмеливался взглянуть.

Все трое поражали переполняющей силой. Но если Райгруа воплощал в себе чистую ярость, а Эйграмер – хищное презрение, то Айдомхар оставался грозно спокойным – истинный хозяин.

«Тот, чья тень покрывает мир», – часто говорил отец.

Девочка не могла объяснить, почему именно Айдомхар привлекал ее. Но рядом с ним появлялось чувство небывалого спокойствия и защищенности. Никто не причинит вреда, пока он смотрит. Словно это ее заботливо укрывает кожистое крыло.

Видя, как дочь восхищается этими созданиями, Деррис выковал нагрудник с тисненными Крылатыми Змеями. «Мои стражи, – полушутя, говорил он дочери. – Вселяющий Страх, – указывал на одного, – и Несущий Ужас, – переводил руку на другого». Элкером и Раэнсир, что явились по зову Великого Воина на битву с Кровавыми Богами – их Лита тоже знала по мифам. Вон они, стоят ближе всех к тронному возвышению... Рассказы отца всегда получались такими реальными и полностью захватывали живое детское воображение.

Иногда Лита пряталась за тронном, пытаясь напугать отца, когда, как казалось, он того не ждал. Но не получалось ни разу.

Однажды укрылась за широкой спинкой еще до того, как отец спустился. Глухие шаги стелились по ковру, металлом позвякивали ножны на бедре, тихо шелестели кольчужные кольца. Отец взошел по ступеням...

Лита кралась беззвучно, как он и учил. Зашла сбоку и выскочила с игривым рычанием, скаля зубы, как маленький волчонок... И рык застыл в горле. Глаза округлились, брови взлетели: трон оказался пуст. А когда что-то легло на плечо, взвизгнула от неожиданности, подскочила... Отец смеялся, «небесные топазы» горели мальчишеским задором.

Мама, улыбаясь, лишь качала головой, когда они вот так ребячились.

Но откуда отец всегда знал, что Лита поджидает, оставалось загадкой, которую он пообещал когда-нибудь раскрыть...

...Глухой удар эхом раскатился по залу, створки дрогнули, но не поддались. Сталь кольчуг оживилась, стражи подняли мечи, плотнее смыкая строй, «алый барьер» превратился в плотную «стену».

Лита высвободила руку, бросаясь к отцу в объятия – от отца приятно пахло кожей доспеха, стальной нагрудник холодил лицо. Широкая мужская ладонь утонула в угольных волосах на затылке.

– Вам нужно уходить, – коротко бросил Деррис, притягивая Ранну.

Женщина уткнулась в плечо, тихо всхлипнув, слеза покатилась по узорной стали нагрудника; Деррис, отпустив дочь, коснулся влажной щеки. И Ранна прижалась к сильной, но такой теплой и нежной ладони, что, всю жизнь сжимая рукоять меча, ничуть не загорела. Лазурные глаза блестели из-под черных волос.

– Не плачь, – шепнул он, и Ранна, стиснув зубы, кивнула.

Взгляд Литы следил, как соленая капля чертит дорожку на сверкающем металле. Огибает тисненого Змея, скатывается со лба Раэнсира ему в глазницу, задерживается на мгновение и срывается дальше, оставляя на щеке дракона влажный след.

Деррис опустил на колено, не обращая внимания на суету, и грохочущее содрогание дверей. Ладонь пригладила волосы дочери.

– Я обещал, что расскажу, откуда я всегда знаю, что ты поджидаешь? – ласково улыбнулся он, и глаза Литы мгновенно вспыхнули. Рука отца поднялась, указывая на Эйграмера. – Смотри. Смотри ему прямо в глаза. Я знаю, ты не боишься его.

Голова девочки повернулась – кровавые рубины мерцали в неровном свете факелов.

Лита вглядывалась изо всех сил, и появилось ощущение, что Крылатый Змей смотрит прямо на нее. Наклонилась в одну сторону, потом – в другую; взгляд Эйграмера следовал неотступно. Скользнула глазами по остальным драконам, и все наблюдали за девочкой немигающими, пристальными взорами – их совершенно не интересовало происходящее вокруг. Цвета разнились: огненный янтарь соседствовал с холодными аквамаринами, золотые цирконы хищно сияли рядом с нежными аметистами, небесные топазы светились чистотой, а в глубинах «туманного хрусталя» тонул взгляд. Они очаровывали и завораживали.

Но Лита не увидела ничего, что раскрыло бы тайну.

– Смотри внимательно, – шепнул на ухо хриплый голос. – Загляни в самую глубину.

Рубины Эйграмера не отрывались ни на мгновение. Брови Литы напряженно хмурились, она по обыкновению поджала губы. «Загляни в самую глубину», – звучало в голове. И Лита всматривалась; детский лобик морщился, на щеках проступили ямочки. Она дунула уголком рта, отгоняя непослушную прядь, падающую на глаза...

И увидела! Лицо просияло, губы растянулись в белоснежной улыбке.

– Ты жульничал! – маленькая ладошка хлопнула отца по наплечнику.

Светясь радостью открытой тайны, она переводила взгляд с одного Крылатого Змея на другого. И на гранях сверкающих камней отражался весь тронный зал, каждый уголок! Драконы «видели» все! Не оставалось ни единого места способного укрыть от пронизательного взора.

Взгляд девочки остановился на Айдомхаре – грани обсидианов тускло поблескивали. Крылатый Змей так же неустанно следил за ней с хмурым упрямством. Но единственное, что отражалось в глазах, затянутых тьмой – огненные всполохи факелов. И как бы Лита ни наклоняла голову, как бы ни отступала, лишь пламенеющий взор следовал за ней.

Деррис повернул голову.

– Он единственный, кто никогда тебя не выдавал.

– Он меня защищал, – убежденно пробормотала Лита.

...Двери содрогнулись от очередного удара, что сопровождал ужасающий рев и топот. Дерево надрывно застонало, но выдержало. Ранна вздрогнула, покосившись на стражей, в молчаливом ожидании замерших у входа, рука стиснула плечо мужа.

– Сохрани это, – Деррис протянул дочери кольцо, слабо искрящееся затейливым узором на серебрянных гранях.

Маленькая ладонь сжалась, и отец улыбнулся. Но улыбка получилась вымученной. Небесные топазы предательски блеснули, но скулы мгновенно напряглись, сжимая волю в кулак.

«Воин не просит слез по себе, не просит жалости. Он умирает, чтобы другие жили», – вспомнились девочке слова отца.

Лита вернула улыбку, и отец тронул за плечо, легонько подталкивая к матери.

– Краин, – негромко произнес он, и рядом мгновенно возник воин в серебристо-алом плаще. – Уведи их.

Ранна, не споря, подхватила дочь на руки и двинулась следом за воином в глубину зала, где находилась кухня и спуск в подвал, из которого расходились подземелья. Они смогут выбраться вдали от крепости и потом... А куда потом? Свободным Охотникам нет дороги на юг, их не примут ни Смертные, ни Перворожденные. Их земли здесь, и здесь – единственный дом... Но об этом не сейчас, не сейчас...

Толпа заметно поредела, но саму кухню еще наполняли женщины с детьми. Но, к удивлению Ранны, спускались они не в подземелья – под утопленным вглубь стены камином зиял провал, и каменные ступени уводили во тьму.

Столько лет они прожили в этом замке, найденном пустым в Потерянных землях у подножия Призрачных гор, а он до сих пор хранил тайны от новых хозяев. Даже Лита, обшарившая Хемингар вдоль и поперек, не подозревала, о существовании этого тайного хода.

Как давно Деррис нашел его? Почему ни разу не упомянул?

Ранна, прижимая к груди дочь, отмахнулась от несвоевременных мыслей. Лита же – напротив, отложила в памяти. Секреты они такие: откроешь один, и за ним потянутся еще. Сперва – драконы, а теперь вот – это...

Треск, крошащегося в щепу дерева, эхом прокатился по тронному залу, достиг кухни, и понесся по узкой лестнице, затихая в глубине. Женщины запричитали, поторапливая детей, многие – спешно подхватили отпрысков.

Прохладный воздух уколол Ранну сквозь тонкую ткань сорочки, в спину повеяло гарью. Она крепче прижала дочь, предпочитая не думать, что творится снаружи. Знакомый страх скользнул вдоль позвоночника... Казалось, воспоминания давно стерлись... Но память просыпается безжалостно, от нее не отмахнешься.

Они еще не перешагнули порог, когда дверь сорвалась с петель и с лязгом рухнула на каменный пол; яростный рев окатил леденящим ужасом. Женщина зажмурилась, но не обернулась, стараясь изо всех сил унять дрожь.

Воины во главе с Крайном молча отгородили кухню, клостенхемская сталь в руках заискрилась морозным узором.

А Лита смотрела на Зверя через плечо матери, крепче стиснув кулачок с серебряным кольцом.

Зверь ростом превосходил бера, но узкая лобастая голова роднила с волками. Необъятная грудь выдавалась над впалым животом, и ребра легко угадывались под иссиня-черной шерстью. А широкие развитые плечи переходили в длинные бугристые лапы, что оканчивались когтями, способными разорвать кольчужный хауберк, как пергамент.

Он оскалится в зловещей ухмылке, обнажив молочно-белые клыки, и на подбородке серебром полыхнула лента; кольцо на шнурке вокруг шеи стрельнуло бликами. По клинку, сжатого в лапе «двуручника» с волнистым лезвием, струился багрянец.

Зверь подался вперед – в провалах глаз отразились языки огня, остроконечные уши прильнули к черепу, – и из раскрытой пасти вырвался низкий утробный рык.

И каменное эхо вторило громогласным ревом.

Ранна сдавила Литу в объятиях, прижимая голову дочери к себе и закрывая ее второе ухо ладонью. Но звук бился в тесных коридорах и никак не желал затихать.

И вместе с ревом, огибая Зверя, в тронный зал ринулась «черная лавина» таких же хищников!

– Garet Ingur! [Хранить Короля!] – грянула стража, заглушая дикое рычание.

И первые бестии сходу напоролись на сталь; воздух взвыл, замелькали клинки, сея кругом багряную росу. Альй барьер прогнулся, образуя полукольцо.

Хищники напирали бездумно, черные тела оседали на гранитный пол, но клостенхемская сталь с трудом одолевала жесткую иссиня-черную шерсть. Лезвия скользили, словно по камню, и лишь острием пробивали живую броню. А волнистые логмеса [досл. «волнистое лезвие»],

двуручный меч, фламберг] в мохнатых лапах порхали, словно невесомые – умения в ударах не доставало, но сила возмещала недостаток с лихвой. И помимо «двуручников» в ход шли клыки и когти.

Перепонки рвались от лязга и рева. Ноги воинов начинали поскальзываться. «Стена мечей» медленно, но отступала, тут и там на пол оседали «алые плащи»... И все же хищники падали в большем количестве, тела чернели на граните аспидными «лужами». Но сквозь проем вливались все новые. Рвались вперед, перемахивая через павших собратьев, и сами устилали каменные плиты.

Но клинки Охотников не всегда успевали освободиться от безжизненной плоти. И полуторные маскаты [досл. «помесь», полутораручный меч, бастард] стражей застывали в мертвых пальцах... Ледари не пройдут стороной, Дочерям Войны будет кого вести в Имале, славный пир грянет в Чертогах Богов...

Краин хмуρο стискивал зубы, костяшки белели на рукояти. Ни один из его теалара [досл. «воин семьи», тактическая единица войска, 12 воинов +1 командир] не двинулся на помощь, у них другая задача: за спиной женщины и дети. И скоро все они потеряют отцов и братьев, а самый старший мужчина будет десяти витков от роду. Нужно дать им время, чтобы уйти. И именно для этого живут – а сейчас и умирают, – воины!

Вот только... Идти некуда. Хемингар объят пламенем, и зарево, наверняка, увидят, не то что Смертные на Равнине, но и Перворожденные у подножия Южного Предела... Но помощь не придет. Женщины и дети останутся сами по себе... Но идти им все равно некуда...

«Черная лавина» расступилась, пропуская жоака. Один рывок, и Зверь налетел на «стену мечей», но не пал, как многие до него. Логмес мелькнул гулким росчерком, отбив два клинка, и когтистая лапа, вырвав из строя воина, отбросила за спину. А волнистый «двуручник», свистнув дугой и звонко лязгнув, разрубил еще одного стража.

Зверь не задерживаясь, отшатнулся, выдергивая клинок и принимая на сталь два маската. Свободная лапа нырнула под мечом, и когти впились в мягкое горло – кровь плеснула на шерсть; и «черная лавина» за спиной поглотила алый плащ. Но Зверь не упивался кровью. На развороте принял колющий выпад на локоть, и сталь шаркнула мимо, а логмес, завершая круг, врубился стражу под ребра – сквозь кольца хауберка прыснул багрянец.

И хищники ударили в возникшую брешь, разбивая строй и разрывая полукольцо. «Стена мечей» посыпалась, и «алые плащи» островками увязли в черном потоке.

Зверь ринулся сквозь толпу. Глаза рыскали поверх голов, а меч сам находил жертву. Волнистый клинок неуловимо гудел в зимнем воздухе, отбрасывая «кровавые тени» на черный гранит.

Вокруг гремела сталь, кричали Свободные Охотники, ревели черные хищники (изредка в предсмертной агонии, но чаще ликующе, раздирая клыками плоть). Хаос захлестнул тронный зал.

– Ты не получишь их! – Деррис преградил Зверю путь.

Два итлара [досл. «кровный воин», единица войска, воин на службе] замерли рядом с отцом Литы – алые туники темнели от пятен, окровавленные мечи оскалились остриями.

Зверь остановился, чуть склонив голову на бок и растягивая пасть в хищной ухмылке. Иссиня-черная шерсть, слипшись от багряной влаги, тускло поблескивала. Сквозь стиснутые клыки донеслось урчание...

И Деррис ударил.

Зверь успел вскинуть меч, и звон потонул в лязге, воплях и реве бушующей бойни – маскат Охотника отскочил в сторону, и в это мгновение сделал выпад Эстред, что стоял по правую руку Дерриса. Зверь шагнул навстречу, наотмашь отбивая сталь когтистой лапой, и волнистый клинок, легко пробив нагрудник стража, пронзил сердце и вышел через лопатку; по долу покатилась алая струйка.

Слева на Зверя бросился Удвар.

Логмес вырвался из мертвого тела Эстредра и скользнул по дуге; Деррис отшатнулся, острие коснулось бороды, алая роса брызнула в лицо, и лязг едва не порвал перепонки. А когти хищника, смяв стальные пластины на кожаном жилете, погрузились в мягкую плоть. Пасть Зверя раскрылась, блеснув острыми зубами, и грудь исторгла оглушающий рык.

Маскат Дерриса уже неся в открытое горло, когда первые капли из разодранного живота Удвара еще не достигли каменного пола. Но хищник небрежно повел локтем, и клинок соскользнул с черной шерсти. Деррис мгновенно развернул меч и ударил низом, в ноги... Сжатый могучей лапой «двуручник», обрушился, словно молот; россыпь искр упала на каменные плиты, и маскат врезался в гранит. А окровавленная лапа сдавила Деррису горло, отрывая от пола, и волнистое лезвие опустилось на плечо, разрезая доспех и перерубая мышцы и кости; кровь брызнула, как вино из лопнувшего меха. Эфес выскользнул из ослабшей ладони Охотника, и меч зазвенел по камню.

Глаза Литы столкнулись с обсидиановым взглядом за миг до того, как они с матерью скрылись за порогом кухни.

...Ранна несла дочь по темным пещерам, подгоняемая страхом, всхлипами женщин, и лязгом, доносившимся из тронного зала и летевшим по пятам. Они не успели укрыться, не успели совсем немного! Продержись дверь еще чуть-чуть, и проход бы закрыли... Но теперь оставалось только бежать! Неизвестно куда, но только вперед!

И она бежала. Бежала по туннелю, освещаемому лишь всполохами нескольких факелов – сумрак почти не поддавался свету. Ноги подворачивались на мелких камнях, но женщина не обращала внимания на боль в лодыжках, упрямо переставляя их раз за разом.

А следом неслось хищное рычание.

Двое воинов отстали, чтобы принять бой, чтобы выиграть немного времени... Лита видела, как на них налетели «черные тени».

Охотникам удалось ненадолго сдержать Зверей. Один хищник упал, но его место тут же занял другой. И алые плащи словно смыло. «Черная лавина», сметала все на своем пути, упрямо и неотвратимо пробиваясь к цели.

Хищники почти настигли, когда впереди забрезжил тусклый, серебристый свет.

Ранна с Литой на руках первой выскочила из пещеры.

И в этот момент «черные тени» столкнулись с Краином и последними стражами. Запели мечи, и на каменные своды хлынула кровь. Словно стая мотыльков запорхали блики, звонкая песня наполнила пещеру – Охотники бились, как одержимые... Упал еще один Зверь: клинок Краина пронзил сердце – клостенхемская сталь в руках Охотника все же показала себя! Но меч на несколько мгновений увяз в плоти, и «двуручник» снес воину голову, а еще одного стража отбросил к стене, где его тут же поглотила «тьма».

Ранна неслась, гонимая безумным ревом. Ноги скользили по влажной траве, прохладный воздух пронизывал насквозь, но сейчас она не думала ни о чем. Только вперед! Бежать не останавливаясь! Бежать, чтобы спастись, спасти Литу! Главное – спасти Литу!

Вдали на востоке блеснуло. Сперва слабо и неуверенно, но с каждым мгновением разгораясь все сильнее и ярче. Небо полыхнуло, наливаясь ясной лазурью. «Золотой огонь» озарил горизонт, прогоняя тьму, и выхватывая из сумрака сочно-зеленую траву.

Жар и боль хлестнули Ранну по телу, ноги ослабли и подогнулись. Падая на колени, она разжала объятия, отстраняя дочь. В глазах мелькнул ужас, сменившийся сначала удивлением, а затем – надеждой. Руки превращались в пепел, но она видела, как с волос Литы взметнулась угольная пыль. Как они вспыхнули огненным цветом. Как по коже дочери, по жилам побежали всполохи, не причиняя девочке вреда. И «золотые» лучи растворились в васильковых глазах, превратив их в два лучистых изумруда.

Ранна коснулась щеки дочери – в глазах читались: любовь, сожаление и гордость, – и сознание померкло. Ладонь осыпалась пеплом, оставив на щеке Литы свинцово-серый след.

Вокруг раздавались короткие вскрики. Тела, тающие, словно туман, подхватывал легкий ветерок, кружил и опускал на землю, пепел чернел, намокая от росы.

Часть женщин попятились назад, в пещеру, стараясь уйти от надвигающейся волны губительного «золотого огня». Но «черные тени» беспощадно терзали их на части, вырывая детей из рук. Кровь плескала на стены и пол, окропляя каменные своды; хищники довольно скалились и рычали.

Лишь немногие предпочли Зверям палящие лучи. Они падали на густой зеленый «ковер» горсткой серого праха. Они не отдали своих детей, приняв смерть от Золотого Солнца.

Все они гибли на глазах у маленькой девочки, стоящей босой на сыром «нефритовом покрывале» – кто от сжигающего огня, кто от когтистых лап, кто от волнистой стали. Но девочка наблюдала без страха. Она не могла им помочь, но она запоминала. Запоминала, чтобы никогда не забыть этот день, когда жизнь навсегда изменилась. Запоминала тех, кто повинен в этом. Теперь она поняла, что за запах скрывался среди смолы и чада, когда мама тащила по коридорам замка: сладкий запах крови и иссиня-черной шерсти. Она никогда его не забудет...

Зверь выскочил из пещеры и замер. Голова повернулась на восток, и уши встали торчком. Меч медленно опустился; Зверь выглядел удивленным.

Он неспешно двинулся вперед. И только лучи коснулись тела, как оно стало преображаться. Шерсть сменилась нагой гладкой кожей, волчья морда – красивым лицом в обрамлении иссиня-черных волос, разметавшимся по плечам. И он сошел бы за Охотника, но Лита знала, цену этому заблуждению.

Взгляд цвета глубоких вод взирал на девочку из-под хмурых бровей, а крылья прямого носа подрагивали, вбирая окружающие ароматы; серебристая лента на бороде «косичкой» трепетала под легкими порывами ветра. И при каждом шаге под загорелой кожей перекачивались мускулы. Пропали лапы и когти, но рука все так же уверенно сжимала окровавленный «двуручник».

Мужчина успел сделать всего несколько шагов, когда над ухом Литы резко свистнуло. Он дернулся, остановившись – из правого плеча торчало белое оперение, кровь струилась по крепкой пластине груди, усеивая каплями траву.

Девочка обернулась.

К ним приближался молодой охотник со светлыми волосами, чуть прикрывающими уши; в серых глазах блестел дерзкий огонь. Легкий кожаный жилет наискось пересекал ремень колчана, в котором над правым плечом торчали белые оперения. Левая рука в перчатке сжимала резной лук, а правая небрежно медленно тянула еще одну стрелу.

Он взглянул на Литу и ободряюще подмигнул.

Мужчина, что совсем недавно был Зверем, вновь шагнул к Лите.

Руки охотника двинулись с невероятной скоростью, и еще одно древко с визгом сорвалось, пронзив мужчине ногу навывлет. А тетива вновь застыла около уха, хищно скалясь стальным оголовком, готовым сорваться в любой момент. Уголок губ золотоволосого приподнялся, поддразнивая.

Борода «косичкой» дрогнула, лицо мужчины скривилось в ухмылке, губы шевельнулись, и из горла донесли слова:

– В другой раз Дитя Солнца. В другой раз.

Мужчина сорвал с шеи шнурок с кольцом, бросил в сторону Литы и, не оглядываясь, направился в пещеру. И только тело погрузилось во мрак, вновь обернулся Зверем. Своды содрогнулись от могучего рева, когда лапа вырвала стрелы и выбросила на траву. Волчья морда еще раз взглянула на девочку, и обсидиановые глаза, блеснув, слились с темнотой.

Остальные хищники, так и не выйдя из пещеры, отступили следом.

Тетива протяжно выдохнула.

– Мама? – золотоволосый взглядом указал на горстку праха.

Лита молча кивнула, и отерла тыльной стороной ладони щеку, размазав серый пепел по коже. Она настороженно наблюдала, как незнакомец вышел вперед и подобрал кольцо, брошенное Зверем. Поднял, сжав шнурок в кулаке, внимательно осмотрел и хмыкнул.

И протянул ей:

– Держи.

Взгляд девочки упал на узор, опоясывающий кольцо... «Перворожденный...» – мелькнуло в голове, лишь только глаза скользнули по вытравленной на ободке вязи. И маленькая ладонь стиснула серебро, так похожее на зажатое в другом кулачке.

– Ну, пойдём, – печально вздохнул незнакомец.

Протянул Лите ладонь, предлагая взять за руку, но девочка тихонько зашипела, и в свете Золотого Солнца блеснули выпущенные острые клыки. Она не собиралась пугать – лишь показала, кто она.

Но взгляд охотника остался тверд. Рука не дрогнула, а губы растянулись в улыбке; протянутая ладонь собралась в кулак.

– Ну, как знаешь, – пожал он плечами.

Девочка смотрела на незнакомца, в волосах которого искрилось солнце, и любопытство разгоралось все сильнее.

– Твои волосы, они... золотые, – произнесла она. – Ты Бог?

Серые, словно выцветшие, глаза охотника заискрились неподдельным весельем.

– Нет, – хохотнул он.

– Сын Бога? – прищурилась Лита, подозрительно склонив голову на бок.

– Тоже нет, – улыбался охотник. – Мое имя Саодир Гарт.

– Только у Богов могут быть такие волосы, – упрямылась девочка. – У остальных – черные.

Но Саодир лишь хитро прищурился.

– Тогда ты сильно удивишься, взглянув на свои.

На лице Литы мелькнуло недоумение. Она скосила глаза на выбившуюся прядь, как всегда непослушно свисающую со лба – волосы сверкали, словно расплавленный металл!казалось, пламя до сих пор живет в них!

– Это сделал... – девичий голос неуверенно дрогнул, – Бог?

Саодир вновь неопределенно пожал плечами, и зашагал прочь от гор, в сторону толпившихся на горизонте деревьев, шелестящих густыми кронами.

Лита бросила последний взгляд на пещеру, и крепче сжав кулачки, двинулась следом. Но твердо решила, что вернется. Обязательно вернется. Право Мести дано ей Богами.

– Я нашел Дитя Солнца.

Пламя прыгало на изъеденном временем камне стен, оживляя тьму. Паутина трещин разбегалась во все стороны, сплетаясь в сложный затейливый узор. Местами каменные блоки начали крошиться, что говорило о долгом запустении, безмолвным свидетелем которого тысячелетия оставалась лишь пыль, густым слоем покрывшая все вокруг.

Но, несмотря на все это, ничто не вызывало сомнений, как в прочности самих стен, так и кладки, удерживающей блоки. Казалось, что стены эти видели само Рождение Мира и простоят до самого его Конца. Немного ухода, и все здесь будет, как прежде – в лучшие времена.

Углы и своды огромного зала смутно угадывались в окутывающем сумраке. Света не хватало, чтобы выхватить их из крепких объятий тьмы. Тени висели плотными лоскутами, не позволяя оценить истинные размеры помещения.

В центре возвышался алтарь, высеченный из цельного куска темно-бордового гранита. Пятнистые вкрапления и светлые жилы придавали ему зловещий вид: словно он густо орошен спекшейся кровью.

Хотя, по прошествии стольких тысячелетий, кто взялся бы судить, а не кровь ли это на самом деле?

Трепещущий свет вырисовывал очертания мужчины, склонившегося над жертвенником. Блики плясали на стальном нагруднике с золоченым узором, покрывающим широкую грудь, играли на полированных наплечниках. Кольчужные рукава хауберка натянулись, облекая бугристые предплечья, не в состоянии скрыть могучего телосложения воина.

От мужчины веяло силой, и не только той, что доступна глазу, но и другой – Истинной, которую знающие называли Атейа, но большинство невежественно именовали «магией».

Левый кольчужный рукав задран до локтя вместе с льняной рубахой; полусогнутая рука, нависла над золотой чашей, украшенной письменами; по запястью струится багровая жидкость, рябью расходясь по поверхности в почти заполненном сосуде. Борода, сплетенная в «косичку» и перехваченная серебристой лентой, двигается в такт челюсти – слова неразличимым шепотом слетают с губ. Непроницаемо-черные глаза сверкают, словно два обсидиана, но отражается в них исключительно пламя.

Чаша заполнилась почти до краев, мужчина оперся кулаком на алтарь, несколько капель скользнули на пол; рассеченная плоть на руке быстро затягивалась, не оставляя ни рубца, ни шрама, ни царапины.

Багровая поверхность дрогнула, зарябила, разошлась кругами, как от брошенного камня; пламя свечей колыхнулось чуть сильнее, хотя ничто не тревожило воздух.

– Я нашел Дитя Солнца! – повторил мужчина еле слышно.

Он внимательно вглядывался в глубину багровой жидкости, наполнявшей чашу. Уши дрогнули, хмурое лицо напряглось, дернулась стиснутая челюсть. И крылья прямого носа гневно раздулись.

– Не нужно меня учить! – процедил он сквозь зубы. – Я знаю, что делаю!

Пламя свечей вновь затрепетало; иссиня-черные волосы шевельнулись на затылке, словно вздыбилась и тут же опала шерсть; в чаше снова расползлись круги.

– Печать сорвана, но Сила еще не вернулась. Путь все еще закрыт, – холодно прорычал мужчина, лицо заострилось, а из-под верхней губы мелькнули клыки. – Пройдет время...

Ему не дали договорить – круги поползли все чаще. Брови мужчины сдвинулись к переносице, кожа на скулах натянулась, плотно облепив череп. Лицо исказилось, и в глазах полыхнул свирепый огонь.

– Довольно! – взъярился мужчина.

Оглушительный рев ударил в стены зала, отскочил от темного камня, и, отражаясь, побежал по коридорам. Рука наотмашь ударила чашу, кровь плеснула на гранитный алтарь, растеклась багровым пятном, капли оросили пол; звон эхом раскатился по помещению, догоняя в коридорах затухающий рев. Огонь свечей вытянулся, полыхнул ярче, будто плеснули масла; черные лоскуты теней затрепетали, словно живые.

– Я знаю, что делаю, – сквозь зубы прорычал мужчина.

В свете пламени мелькнули острые клыки, оттопырившие губы в хищной ухмылке. Кончики ушей заострились, проглянув из-под растрепанных встопорщенных волос. Под натянутыми рукавами хауберка взыграли могучие мускулы, перекатываясь, словно валуны, натягивая кольца и едва не разрывая кольчужную связку.

Мужчина резко развернулся, темно-бордовый плащ, отороченный золотом, взметнулся веером, повторив движение. Пламя свечей опало и угасло; струйки белого дыма протянулись вверх, и зал утонул во мраке.

– Всему свое время! – раздался в темноте утробный рык.

Глава 1. 7 Эон, 481 Виток, 47 День Зимы

Шелк занавесок, прикрывающих выход на балкон, волновался от слабых порывов ветра, веяло холодом. Мягкий призрачный свет Ночного Солнца очерчивал проход, но на большее не хватало сил. Легкий трепет пламени, чадающих в коридоре факелов, тонкой струйкой пробивался в покои из-под входной двери. Но и здесь тьма брала верх, не пуская дальше порога. И лишь у камина ее превосходство не выглядело однозначным.

Пламя танцевало на поленьях под одному ему понятный, потрескивающий ритм. Огненные «клинки» вырывались из очага, кромсая темную пелену, неосторожно посягнувшую на подвластную территорию. И столкновения сопровождались хлопками и россыпями искр.

Сквозь деревянные прутья колыбели маленький Марен наблюдал, как женщина пятится к нему спиной. Раскрытые ладони выставлены вперед, ноги медленно ступают по меху, прикрывающему каменный пол.

– Остановись, прошу, – тихим дрогнувшим голосом произнесла Далиа, делая очередной шаг назад.

Но Зверь никак не отреагировал, вынуждая женщину отступить еще.

Иссиня-черная шерсть хищника искрится от всполохов, в полумраке вырисовывая силуэт. Огромные лапы вздулись мышцами, будто жилы перетянули настолько сильно, что плоть стремится разорвать сдерживающие узы. Пальцы поблескивают в свете пламени острыми когтями, как отполированная сталь; когти на ногах утопают в мягком меху. Грудь равномерно вздымается, издавая тяжелое хриплое дыхание. Ребра распирают ее на каждом вдохе, и она выдается над животом, становясь еще шире. Лобастая волчья морда хищно скалится молочными клыками в ощеренной пасти. И прижатые к черепу остроконечные уши подрагивают, ловя ритм постреливаний в камине.

– Остановись, умоляю, – повторила Далиа.

Зверь лишь дернул носом, поморщился, но движения не прекратил. Передние лапы медленно поднимаются, с каждым шагом, приближающим к женщине. Непроницаемо-черные, словно бездонные пещеры, обсидиановые глаза без зрачков сверкают Голодом. Слюна пенится в уголках пасти, стекает с губ и капает на пол.

Марен видел все отчетливо. Серый полумрак, окутывающий комнату, несколько не мешал.

Далиа уперлась спиной в колыбель, не оборачиваясь, нащупала рукой решетчатую стенку – больше отступать некуда! Она развела руки, собой закрывая маленького мальчика, который молча наблюдал за происходящим. Она – единственное, что отделяет Зверя от ребенка. ЕЕ ребенка!

Марен чувствовал запах матери. Видел, как испуганно подрагивает тело под тонкой тканью ночной сорочки. Как побелели костяшки пальцев, стиснувших решетку кровати.

Перворожденная угрожающе наклонила голову, верхняя губа поднялась, обнажая проглянувшие клыки; из груди вырвалось тихое шипение: страх за сына, перевешивал все. И с криком полным ярости, женщина бросилась на Зверя в отчаянной попытке защитить свое дитя!

Быстрым коротким движением Зверь ухватил ее за горло, оторвал от пола, подняв на вытянутой лапе; глухой рык донесся из оскаленной пасти.

Далиа пыталась достать до морды, до черных глаз хищника, который, казалось, с любопытством разглядывал жертву. Ногти царапали Зверя по предплечью, по запястью, ноги колодили в покрытую шерстью грудь. Рука отчаянно цеплялась за черные пальцы, сдавившие горло; женщина хрипела и задыхалась.

Одно движение. Один удар когтистой лапы, и из разодранной щеки брызнула кровь. Тело Перворожденной обмякло.

Зверь поднес ее ближе и с шумом потянул воздух. Веки смежились, наслаждаясь сладким ароматом, разлетевшимся по комнате. И клыки впились в ключицу; хлынули алые струи, быстро окрашивая белую ткань ночной сорочки в багряный цвет, кажущийся в полумраке совершенно черным.

Марен шевельнулся в колыбели.

Зверь оторвался от тела Перворожденной, взглянув на мальчика. Окровавленная пасть приоткрылась, горло повторило утробное рычание. Малыш в ответ обнажил маленькие клыки и зашипел; детские глаза бесстрашно сияли подобно сапфирам. Волчья голова склонилась на бок, внимательно рассматривая ребенка. Ноздри Зверя дрогнули; мальчик дернул носом, передразнивая. Зверь презрительно фыркнул, разжав когтистую лапу – тело Далии безжизненно упало на пол, – и в следующий миг бросился на малыша!

...Марен открыл глаза.

Сердце бешено колотилось, стучало в висках. Сладкий запах забивал нос, а во рту держался стойкий металлический привкус.

– Т-ш-ш, – коснулось слуха. – Тише-тише.

Крепкие руки сжали юношеские плечи, встряхнули.

Тенета сна нехотя развеивались, холодными липкими нитями соскальзывая вдоль позвоночника. Пот струился по телу, и рубаха липла к коже, сковывая движения. Но сапфировые глаза быстро прояснились.

В приоткрытую дверь лился теплый свет факелов, кожу покалывал свежий холодный воздух. Шелковая занавесь, прикрывающая балкон, слегка дрожала от сквозняка. В камине тихо потрескивали поленья.

От напряжения на лице Марена обострились скулы, брови собрались складкой на переносье, на щеках вспухли желваки. Короткие волосы блестели влагой, словно черная смола, и растрепанно торчали, как шерсть на волчьем загривке. Ноздри с шумом втягивали воздух, наполненный чадом.

– Это просто сон, – повторил тот же твердый голос.

Король Дарс Летар, сидел на краю кровати. Глаза цвета глубоких вод обеспокоенно смотрели на юношу. Казалось, даже морщин на лице чуть прибавилось, а в аккуратной короткой бороде и черных волосах серебрится больше седых волос... Хотя, нет. Это огонь так играет.

– Что... Что ты тут делаешь? – дыхание Марена постепенно выравнивалось.

– Относил Дею в ее покои, – рука короля легла Марену на лоб, смахивая испарину. – Зашел тебя проверить. Опять Зверь?

Юноша сглотнул сухую слюну, вяжущую горло.

– Да. И... мама, – терпкое послевкусие металла не исчезло в одно мгновение.

Король отстранился, отворачиваясь.

– Отец... – принц тронул его за плечо, стараясь заглянуть в глаза.

Лишь в такие моменты, когда рядом никого: ни слуг, ни стражи, юноша позволял себе обращаться к праотцу вот так, по-простому.

Протяжный вздох вырвался из груди Дарса, он согнулся, опуская локти на колени и пряча лицо в ладонях.

– Наверное, все же пришло время, – донеслось тихое бормотание. – Память – странная штука. Играет с нами, как хочет... Ты никогда не вспоминал того дня... Но... Может, это принесет тебе покой.

– О чем ты? – брови Марена вопросительно изогнулись.

Король поднялся с кровати. Мех, расстеленный на каменном полу, скрадывал шаги, что ложились по пути к двери совершенно беззвучно. Обернувшись на пороге, протянул руку, жестом приглашая следовать за ним.

– Пойдем, – хриплый бас прозвучал устало, но твердо.

Принц рывком откинул меха, соскакивая с кровати, и молча двинулся следом.

Огоньки факелов через равные промежутки тянулись по всей стене, заполняя коридор ровным, слегка подрагивающим светом. Запах смолы и чада, разбавлялся зимним воздухом; принц невольно передернул плечами от резкой перемены – прохлада замка окончательно скинула теплую негу с плеч. Красная ковровая дорожка, под босыми ногами, мягко пружинила, не давая почувствовать холодный камень.

Марен с нескрываемым любопытством смотрел королю в спину.

Сильные, обычно гордо расправленные, плечи Дарса, сейчас казались несколько ссутуленными, походка – медленной и сомневающейся, словно не хватало уверенности, стоит ли делать следующий шаг. Черные, посеребренные волосы беспорядочно спадали на серый бархатный халат, покрывающий плечи и шелестящий при каждом движении.

Король выглядел могучим велетом, которому на плечи упала вся неизмеримая тяжесть Мира, согнувшая обычно твердую спину.

Свернули, стало заметно темнее. Огонь робкими всполохами выглядывал из-за спины. Но отсутствие света для «детей ночи» не являлось помехой. Да, и юноша давно заметил, что в отличие от многих Перворожденных, даже Истинная Ночь – не преграда для его острого взора.

Король безмолвно вел принца по коридорам Цитадели Мелестан, которую Марен знал, как свои пять пальцев. Вместе с Колленом, кровным сыном короля, они столько раз сновали по этим мрачным переходам, исследовали каждый уголок, каждый камень и нишу. Искали потайные двери, секреты, что еще мог хранить замок. И часто безуспешно.

Но, даже открыв многие из тайн, Марен чувствовал, что Цитадель ревностно хранит куда больше – крепость не стремилась раскрывать их кому ни попадя. Не зря же ходило множество слухов, что они, Перворожденные, не ее настоящие хозяева, хоть и распоряжаются, как таковые.

Знакомая галерея открылась темным провалом. Длинное неширокое помещение утопало во мраке. Но Марен прекрасно различал ряд скамей в центре, расставленных спинками друг к другу, и каменные, сейчас потушенные, очаги между ними.

Арочные ниши вдоль обеих стен украшали стальные пластины, что несли на себе имена предков Дома Летар, их годы жизни и правления. Некоторых и вовсе помнили только эти таблички родового святилища Теар де Тин.

Тут же, в нишах, висело оружие означенного предка. Чаще маскат или хедмор [досл. «длинный меч», двуручный меч с одной гардой, клеймор], но встречались и парные крайверы [досл. «парная сталь», короткий меч, гладиус, ксифос], и даже несколько древних секир. Ни одно оружие не походило на другое. Оно не переходило наследнику, и ковалось только для своего хозяина (в большинстве случаев самостоятельно). Оно учитывало физические особенности и техники боя владельца. И каждое Марен знал поименно.

Юный принц не раз приходил сюда. Рассматривал клинки и искусно выведенные эфесы, украшенные самым причудливым образом. Иногда брал в руки, примеряясь к длине, взмахивал, прислушиваясь к пению стали и стомам рассеченного воздуха. И насколько неповторимыми выглядели мечи, настолько сильно отличались их «песни». Но независимо от различий, все они действовали на принца одинаково успокаивающе.

Но, конечно, не оружие привлекало его сюда.

В глубине галереи находилось кое-что более важное для Марена. На стене, рядом с портретом короля Дарса и королевы Аделы, висел портрет родителей. Два единственных портрета присутствующие здесь. И, уж наверняка, первые портреты Перворожденных во всем Ардегралетте!

В отличие от Смертных, Перворожденные не страдали жадой самолюбования, и не изображали правителей на холстах. Для них, в вечно воюющем Сером Мире, единственным искусством всегда оставалось владение мечом.

Но именно холст с изображением отца и матери, которых принц никогда не знал, представлял наибольший интерес. Именно он заставлял возвращаться снова и снова.

Юноша приходил и никогда не зажигал огня. В окутывающей тьме он чувствовал себя умиротворенным. Ничто не отвлекало и не мешало. Он словно сливался с темнотой, освобождался от оков тела, становясь частью чего-то большего.

А с холста смотрели: отец и мама.

И мало кто мог понять, каково это – потерять тех, кого никогда не знал...

Король остановился у полотен и молча запалил ближайший очаг. Свет разлился по галерее, выхватив из мрака угольный камень стен; на стальных табличках, на оружии заиграли блики. И с портрета знакомо улыбнулась Далиа Летар.

Светлый овал лица, обрамленный длинными волосами цвета черного янтаря, сплетенными в косу, в которой струилась белоснежная лента. Васильковые глаза, лучащиеся неподдельной радостью. В уголках губ – ямочки от смущенной улыбки. Круглые щеки налитые робким румянцем. Тонкий аккуратный нос со вздернутым кончиком, придавал лицу выражение молодой рыси.

Длинное графитовое платье искрилось серебристым шитьем, подчеркивая плавные изгибы тела Перворожденной.

Хрупкая ладонь Далии лежала в руке высокого статного воина с иссиня-черными волосами, собранными в «хвост» на затылке. Широкая челюсть, сильный подбородок, борода «косичкой», перехваченная серебристой лентой. И глаза цвета глубоких вод, хищно – но не агрессивно, а скорее, настороженно – вззирающие из-под хмурых бровей.

Грудь мужчины покрывал кожаный жилет черного цвета, отороченный серебристо-черным мехом снежной лисы. Под шерстяной рубахой цвета ночи угадывались могучие мускулы. Того же оттенка плащ, с искрящейся серебряной нитью каймой, ниспадал с плеч, спускаясь ниже колен; из-под полога выглядывал эфес, с незатейливым круглым навершием.

Живописец умело передал даже «морозный узор» клостенхемской стали наплечников и шлема, покоящегося на сгибе локтя.

Меч, что на холсте сиял из-под плаща, сейчас в ножнах висел рядом с картиной. Его наследник выковал к выпускному испытанию в Мор де Аесир. Клинок носил сложное имя – Эртрефен, что можно понять, как «с сердцем накоротке», а при определенной доле воображения – «безжалостный». Но правильную трактовку: «действующий по наитию», или – «опережающий разум», понимал любой, кто видел наследника в бою.

Король рассказывал, что Инген – его старший сын и отец Марена – был отличным мечником, возможно, лучшим в Ардегралетте. Как и все наследники Летар до него, он прошел школу Меча Богов. Но даже более опытные воины Темной Стражи, которые набирались исключительно из выпускников, уступали ему в умении.

Первенец короля, он готовился унаследовать трон, а после него и Марен, занял бы его место.

Теперь королевское правление Дома Летар могло прерваться: по Старому Закону, трон переходил лишь к старшему сыну, а при отсутствии такового, новый король выбирался на Большом Кругу. Хотя подобного не случалось ни разу с Объединения Домов.

Принц молча смотрел на портрет и ждал. Не покидало чувство, что король не знает с чего начать; не знает – стоит ли вообще начинать. И принц не торопил. Так или иначе, они уже здесь, в Теар де Тин, первое слово сказано и назад пути нет.

Дарс Летар опустил на скамью.

– Твои сны, – заговорил он, наконец, осторожно подбирая слова. – Все это – правда.

Марен моргал в замешательстве.

– Да. Все – правда, – кивнул Дарс, закусив губу, словно сам только что поверил.

– Но, отец... ты говорил... – начал Марен и запнулся.

Вздых короля разнесся по пустому помещению:

– Я знаю. Говорил, – слова давались тяжело. – Но правду ты видел.

Марен поднял взгляд на картину. Все это время он считал, что это просто сны, навеваемые из-за Серых Граней. Что этого не было на самом деле, и Бесплотные лишь подпитывают воображение, заставляя «играть» с ним.

– Когда мы вошли в покои, – горестно продолжал король. – Далия была мертва... – Дарс прикрыл глаза, тяжесть воспоминаний все еще довлела над ним. – Зверь держал тебя в лапах... Он обернулся, оскалился. А потом... потом опустил тебя в кровать, – на лице праотца отражалось столько боли, будто он переживал все заново. – Детсем и Арнгур бросились на него, но Зверь оказался так быстр и так силен! Шерсть, словно камень, а когти... Оба погибли даже не оцарапав его! Но со мной он не стал сражаться. Бросился с балкона и растворился во мраке. Стража искала, но тщетно...

Марен молчал.

Сон вновь мелькал перед глазами, обрастая новыми деталями. Принц слышал крик – крик своего отца. Видел начало преобразования. Видел, как искажается и вытягивается лицо, как черная шерсть покрывает тело. Как длинные и острые, словно лезвия кинжалов, когти лезут из пальцев. Как губы оттопыривают молочно-белые клыки. Как пасть скалится в свете пылающих в камине поленьев... Видел, как напугана мать, чувствовал ее отчаяние. Слышал, как она просила Зверя остановиться...

Сапфировые глаза пристально вглядывались в портрет, но внутренний взор устремился в тот день...

Зверь держал малыша своими сильными лапами, держал аккуратно и бережно. Черные ноздри трепыхались, приносясь. В обсидианах отражался сапфировый блеск глаз ребенка, уши чуть приподнялись. Шерсть на подбородке слиплась от крови, из-под верхней губы торчали клыки, но пасть не скалилась.

Угольный нос ткнулся в щеку малыша.

Мальчик ухватился зубами, задел губу Зверя, но тот не разъярился, даже не взрыкнул. Ребенок дернул головой – раз, еще один, – оторвав кусок плоти, зажатой в зубах Зверя. Сапфиры блаженно прищурились, измазанный кровью детский носик дернулся. Кровь струйкой побежала по подбородку, когда усердно задвигались маленькие челюсти, вгрызаясь в такую мягкую и такую сладкую теплую плоть.

Зверь легонько боднул ребенка лбом; малыш довольно улыбнулся. Хищная пасть приоткрылась, и остаток плоти выпал. Розовый шершавый язык коснулся детской щеки и из горла раздался двоящийся рычащий голос:

– Eden... Ma-a-ren... [Мой... Ма-а-рен...]

– Отец... – пробормотал принц.

– Что?

– Это был... отец.

– Да, – кивнул Дарс Летар.

Марен сквозь поволоку картин прошлого смотрел на портрет. Воспоминания становились ярче, накатывали волнами. В ушах все отчетливее слышались: потрескивание огня, тихий убаюкивающий шепот матери, и глухое рычание отца – уже Зверя.

Прохладный свежий воздух в галерее, как во сне, наполнился сладким ароматом. Он щекотал ноздри, проникал в легкие, пропитывая каждый орган. Металлический привкус вновь

осел на зубах, на языке. Глаза принца зажмурились, воскрешая память – алая дымка разлилась во мраке.

– Кровь... Она звала меня. Запах был таким... манящим... – тихим голосом бормотал юноша. – И я... укусил...

Король растерянно потер левую ладонь рядом с мизинцем.

– Когда я забрал у тебя... – он не смог произнести слово «мясо». – Ты оскалился и укусил...

Эсмир ворвался в покои.

Камин рваными всполохами выхватывал силуэты, поглощенный своей извечной битвой.

Тело Далии раскинулось на полу в неестественной позе. Белая ночная сорочка казалась черной от густо покрывшей крови, в разодранной груди белели сломанные ребра, раскрывшись, словно оскаленная пасть; багрянец влагой блестел на мехах, что покрывали пол.

Тут же рядом лежали Детсем и Арнгур, крепко сжимая мечи окоченевшими пальцами.

Король держал маленького принца на сгибе левой руки, по ладони сочилась тонкая алая струйка, пачкая детскую рубашку. Малыш шипел и скалился, сверкая сапфировым взглядом, из-под окровавленных губ клацали маленькие острые клыки.

В коридоре раздался топот.

– Эсмир, дверь! – вскинув руку, мечом указал король, и сталь полыхнула пламенем очага. – Никого не впускай!

Сеанар [досл. «первый воин», воинское звание, сотник] Темной Стражи, бросил короткий взгляд на занавесь балкона, отмеченную кровавыми следами, и быстро развернувшись, вышел; дерево гулко ухнуло.

– Моя королева, – учтиво склонил голову Эсмир, положив руку на железное кольцо двери и не сводя глаз с Аделы.

– Пропусти! – велела Перворожденная, попытавшись оттеснить воина. – Там мои дети!

– Приказ короля, – не дрогнул сеанар, – Никому не входить.

Адела отступила, обхватив плечи. Тело содрогнулось под тонкой тканью сорочки, мороз пробежал по коже. Тихий голос Эсмара отразился ужасом в лазурных глазах, в горло провалился ком. «Случилось непоправимое!» – оборвалось сердце. Она качнулась вперед... Но Темная Стража не нарушит приказ короля пока тот не противоречит чести.

Руки женщины опустились на округлый живот, в тщетной попытке сохранить тепло для еще нерожденного. Ковер под ногами скрывал прохладу голого камня, и все же онемение медленно поднималось от босых ступней, грудь сдавило... Но холод ли повинен в этом?

Плащ Эсмара сверкнул серебром в неровном свете факелов и «черный волк, воющий на луну», укрыл плечи королевы.

...Дарс Летар вглядывался в сапфировые глаза малыша; за спиной воинственно потрескивал камин.

«Пропусти! Там мои дети!» – слышал он крик Аделы.

Медленно опустил клинок в колыбель.

Малыш крутил головой, маленькие ручки цеплялись за густую бороду. Язычок мелькал по губам, собирая капли багрянца, но клыки уже скрылись; глаза сверкали сквозь мрак все теми же холодными искрами.

Дарс скомкал простынь и аккуратно отер кровь с губ Марена, малыш фыркнул, пытаясь отвернуться. Король отступил; серый бархатный халат, нагретый камином, грел кожу... Быстрый поворот, и свет пламени упал мальчику на лицо; зрачки сжались до черных точек, сапфиры полыхнули ярче, но зубы остались ровными – клыки не проглянули. Малыш улыбнулся теплым «янтарным ладоням», ласкающим щеки.

Король облегченно выдохнул, улыбка дернула бороду; простынь скользнула по подбородку ребенка, собирая остатки «алой росы».

– Сильная кровь, – шепнул малышу Дарс Летар.

...Эсмир отступил за миг до того, как дверь приоткрылась, и король боком протиснулся наружу.

Дарс понимал, что Адела постарается проскользнуть в покои, и не позволил сделать этого: ей не зачем смотреть. Он все расскажет, но позже. Каким бы красочным не будет рассказ – знать, не то же, что видеть. Воображение порой рисует картины более ярко, но до безжалостной памяти ему далеко.

– Ступай в покои, – сказал король, протягивая Марена.

Адела приняла малыша; Эсмир осторожно придержал плащ, укрывающий ее плечи.

– Инген? Далиа? – прошептала Перворожденная дрогнувшим голосом.

На окаменевшем лице Дарса Летар не дрогнул ни один мускул.

– Ступай, – тихо повторил он.

Горло женщины дернулось, лазурные глаза опустились на маленького принца – малыш тянул ручки, пальчики хватались за сорочку, за плащ; вокруг губ, на щеках и подбородке атели сухие разводы.

– Он?.. – полный ужаса взгляд метнулся на Дарса.

– Нет, – смог улыбнуться король, ладонь легла на плечо жены. – Все хорошо. У него сильная кровь.

– Шрам так и не исчез, – горько усмехнулся король, потирая ладонь. – Иногда начинаю сомневаться, что я – Перворожденный.

– Отец... – рассеяно вымолвил Марен, мысли метались из реальности в прошлое и обратно.

Он смотрел в усеянное легкими морщинами лицо короля и не находил слов; мысли мелькали с бешеной скоростью. Теперь он помнил. Помнил все, что произошло. Каждое мгновение той ночи. Помнил, как мама укладывала его, помнил нежные пальцы на своей щеке. Голос, напевавший колыбельную. Запах – от нее всегда так приятно пахло. Помнил тепло ладоней, так отличавшееся от окружающей прохлады.

Ни одно воспоминание не выглядело таким ярким, как эти.

Принц тонул в разверзшейся бездне нахлынувших воспоминаний. Они накатывали безудержно, не считаясь с желаниями Марена. Он помнил – и от этого уже никуда не деться.

– Но ты говорил, – вновь пробормотал он. – Что это Голод...

– Именно к такому выводу я пришел, – подтвердил король.

– Но... как же Зверь?

– Запрет Крови настолько долго хранит нас, что даже легенды и мифы помнят лишь название: Дикие Родичи. Я не нашел прямых подтверждений, но... Видимо, так Голод на нас и действует... Этим объясняется и сам Запрет. Ты видел, это – уже не Инген.

– Но с Голодом можно справиться! Справляются же Охотники, ты сам рассказывал!

– Ты думаешь, я не искал его, своего первенца? После той ночи о нем не слышали... Перворожденный, влекомый жаждой крови, не остался бы не замеченным на Равнине. Но ни единого упоминания, ни единого маломальского слуха за пятнадцать витков!

Король поднял глаза на холст.

– Но ты видел не все, – он вновь обратил взгляд на Марена. – Инген не первый, кем овладел Голод. Он возвращался из Латтрана, когда встретил Зверя... Тогда погибли двое, а твой отец был ранен... Ерунда для Перворожденного... Тогда я не придавал значения, его рассказу: мало ли, что создал Мир...

– И ты скрыл это от Большого Круга? – брови принца нахмурились.

Дарс опустил глаза.

– И я надеюсь, Боги простят мне эту ложь... Только после случившегося с твоим отцом, изучив кучи свитков в Атеом, я связал Голод и Зверя.

– Почему ты не рассказал раньше? – тихо вымолвил Марен, глядя, как с портрета улыбается Далиа Летар, как строго взирают глаза цвета глубоких вод, стоящего рядом Ингена, и как наверхние Эртрефена сверкает из-под его плаща. – Я должен его найти. Голод можно одолеть.

На лице Дарса Летар мелькнула вымученная улыбка.

– О, мой мальчик. Вот поэтому и не сказал, – хриплый бас короля наполнила горечь. – Но, похоже, даже петляя, Линии Жизни ведут нас к определенным моментам, когда нужно либо принять судьбу, либо отступить... Но ты – сын своего отца...

Сапфировый взгляд Марена не отрывался от картины, от изображенного на ней могучего воина с иссиня-черными волосами, с заплетенной в «косичку» бородой, перехваченной серебряной лентой. От женщины с ласковым васильковым взглядом и робким румянцем на щеках, что стояла рядом, и чья рука лежала в его ладони... В ладони, которой доверяла...

Память открывала все новые двери разума, все новые детали всплывали перед внутренним взором.

Марен помнил и отца, и мать, помнил каждую черту их лиц. Помнил запах и каждое прикосновение. Ласковый голос, поющий колыбельную, и бархатный баритон, повествующий о чести. Помнил, как отец впервые взял на руки, еще тогда: маленького и заляпанного кровью, только-только пришедшего в этот мир... Первый вдох свежего воздуха, после тяжелых родов...

«Первороденные не отступают...» – впервые улыбнулся отец сыну.

Глава 2. 7 Эон, 481 Виток, 2 День Лета

– Мы все сделаем, повелитель.

Воин в черных одеждах сливался с окружающей тьмой, раскинувшейся под плотной сенью деревьев. Сейчас, когда Дневное Солнце уже зашло, а Ночное еще не выбралось из-за Стальных гор, что на западе Ардегралетта, ни один Смертный не увидел бы и локтя своей вытянутой руки. Тьма заливала глаза, словно земляным маслом, топя не только любые проявления света, но и очертания окружающего мира.

Впрочем, и не каждый Перворожденный мог с гордостью завить, что взгляд его режет Истинную Ночь, как остро наточенный нож. Она потому и называлась Истинной, что мало чьему взору удавалось пробиться сквозь полог ее платья.

Но взгляд мужчины, что властно замер перед коленопреклоненным воином в черном, легко пронзал плотный саван. Он взирал с высоты исполинского роста, надменно задрал подбородок. Нос чуть подрагивал, ловя тончайшие ароматы, доносимые слабым ветерком, под порывами которого трепетала серебристая лента, перехватывающая бороду «косичкой».

– Действуйте, – величественно махнула рука, заставив полы мантии колыхнуться.

– Мы все сделаем, повелитель, – повторил воин. – Можете в нас не сомневаться.

Он рывком поднялся, не смея поднять взгляд. И за ним последовали еще двенадцать мужчин в таких же черных кожаных доспехах без единого куса стали, которые только и годятся для осуществления задуманного.

...Черные воины двигались споро, сильно не рассыпаясь, но и не сбиваясь в кучу. Даже ночные обитатели леса вряд ли бы выхватили из окружающего мрака их силуэты. Они текли в темноте, словно потоки рек впадающих в Восходное море: каждый сам по себе, но смешиваясь в едином водовороте, становились не отличимыми от остального. Шаги тонули в шелесте крон, и лишь затихшие на миг шепоты травы под ногами могли выдать их.

Но ни один Смертный не обладает достаточным слухом, чтобы услышать столь мимолетные изменения.

...Лес остался позади.

Но даже теперь, на охранной полосе Мангерета, воины не отличались от окутавшего мир темного покрывала Дауры. И огни на крепостной стене не способны этого изменить. Они, напротив, скорее мешают стражам города, сужая видимый мир до крошечного островка, что выхватывают факелы.

Воины перемещались осторожно.

Иногда с крепостных стен в воздух взмывали зажженные стрелы – стражи тщетно пытались разорвать черноту, сковавшую взор. Но никто так и не увидел, как тринадцать теней достигли подножия стен города.

Воины не пытались взобраться по голому камню. Это совершенно ни к чему: повелитель указал тайные ходы, объяснил, как открыть и куда идти после. Им не нужно думать – нужно просто исполнить Волю повелителя. Что может быть проще?

Сдвинулся нужный, кажущийся таким же нерушимым, как все, блок. Утонул, в выглаженной монолитом, кладке. И тринадцать теней скользнули внутрь. Ни шорох, ни скрежет, ни блеск не нарушили покоя и тишины Истинной Ночи. Выбираться будет куда сложнее: Ночное Солнце никогда не спешит, но и не опаздывает. Да и погоня, наверняка, повиснет на плечах... Псы – эти могут и след взять: ночь еще не совсем «закрылась» от них... И почему так чураются своих былых «серых родственников»? Видимо, жизнь «под Смертными» берет свое: чужие страсти становятся собственными...

Но об этом не стоит думать. Зачем страшиться того, что еще не свершилось? А может и не свершится вовсе. Да, и чего в ночи бояться Сынам Морета?! Разве только Крылатых Змеев... Но они давно покинули Мир.

И воины двигались вперед. Бесшумно.

...Четверо стражей, охраняющих проход, не успели ни пикнуть, ни двинуться, ни повести бровью, когда четыре кинжала метнулись из темноты и пробили горла, топя в крови не успевший зародиться крик тревоги.

Ни один Перворожденный, дорожащий не только честью, но и посмертием, никогда не прибегнул бы к «оружию женщин» – честная смерть, лучше бесчестной жизни! Даже сами Перворожденные женщины за все эоны существования Серого Мира не использовали этого оружия. Ледари не придут за таким, насколько бы крепко ты не сжимал его в руке. Перед Богами все равно придется оправдываться, а от такого бесчестия не отбрехаешься. Боги хоть и не часто в последнее время появляются в Мире, но Инниут все видит. А кинжал – это же прямой путь в Бездну, по сравнению с которой и существование на границе Серых Граней покажется величайшей милостью!

Но воинов в черном не пугает подобное посмертие! Сыны Морета не должны – и не будут! – бояться ни Бесплотной Жизни, ни Ифре, ни даже самой Бездны!

И они лишь переглянулись и двинулись дальше.

Менялись подземные коридоры, затем переулки и улицы, но тьма неизменно укрывала воинов от неосторожных взглядов. Мангерет спал «без задних ног». Караулы, мелькавшие то тут, то там, и не догадывались, что рядом притаилась Смерть. Стражи города беспечно болтали вполголоса, так же тихо смеялись своим грубым, понятным только Смертным шуткам и проходили мимо.

...Дворец встретил воинов тусклыми всполохами в провалах высоких окон, и сотканными в углах и нишах залов теньями. В наполненной стражей крепости убийство не пройдет так же безнаказанно – и воины не спешили забирать жизни. Черные тени мелькали за спинами стражей – и хоть бы один повел ухом! – и так же бесшумно растворялись.

Настала пора разделиться.

И воины в черном, не сговариваясь, разошлись по коридорам. Каждый знал, что делать, и для общения хватало одного взгляда и движения пальцев. Они рассеялись по дворцу – кто-то отвлечет внимание, кто-то нагонит суеты и паники, если потребуется, а кто-то займется исполнением Воли повелителя: у всех своя роль... Награда крайне щедрa для такого пустячного дела...

Воин, что говорил с повелителем, возник перед дверями в покои наследника, словно ниоткуда. Лишь тихий шелест кольчуг, оседающих стражей, выдал его присутствие. Кровь стекала по пробитым кинжалами шеям, струилась с уголков губ и капала на выстланный коврами пол. Ни один не взбулькнул, не захрипел. Все проделано чисто – наставники могут гордиться.

Створки дверей бесшумно поддались движению руки, и покои предстали в призрачном свете взошедшего Ночного Солнца. И лишь тихое сопение нарушало тишину.

Любой Перворожденный разбудил бы спящего прежде, чем вонзить клинок. И по чести сказать, разбуженный Перворожденный не стал бы звать стражу, тем более, когда вот так – один на один. Тут уж Линии Жизни либо обрываются, либо бегут дальше. Сталь не лжет. Шанс дали – остальное берешь сам.

Но в данном случае – не берешь.

Сынам Морета путь в Имале не просто закрыт – они добровольно отрунули Старый Закон, и ледари не явятся, как ни крути. Проклятый Бог – единственный Бог, которому они служат. Только его Дар способен наделить истинным бессмертием!

Да, и всем известно, что Морет один из Старших, и слово Эриана ему – не закон. Повелитель Золотого Солнца не имеет власти над братом.

И Воину все равно – пусть хоть навсегда в мире установится Истинная Ночь, что ему? Тьма – его мир, а простые смертные пусть страшатся, как и прежде. Короткая жизнь в вечном страхе – их удел! Они лишь воронье мясо – Воин не станет оправдываться ни перед ними, ни перед их Богами!

...Наследник не проснулся, когда блеснувший клинок кинжала вошел в горло, перерубив яремную вену. Черная в призрачном свете кровь хлынула на белые простыни, на меха. А Воин стоял и смотрел, как «багряная влага» покидает тело, как сердце затихает, пульсируя все реже и реже. Сладкий запах призывно щекотал ноздри. Манящий, чарующий аромат!..

Воин брезгливо дернул носом: он здесь не за этим.

Быстро развернулся и замер у дверей, прислушиваясь к звенящей тишине. Сейчас, вот сейчас должны разразиться крики в дальних коридорах. Вспыхнут огни, набежит стража...

И шум действительно раздался.

Заверещали женщины Смертных... Эти тихо умирать не умеют. Даже держа в руках меч, зовут на помощь – ну, что за племя?!.. Грянул топот спешащих по коридорам ног, бряцанье кольчуг, звон схлестнувшейся стали – все идет, как и должно. И все далеко – крыло, в котором затаился Воин, оставалось безмятежным.

Но это ненадолго.

Воин выждал еще и распахнул двери, ныряя в залитый тьмой коридор... И острые наконечники копий впились в живот! Клостенхемская сталь навывлет пробила кожу жилета, и мягкую плоть; кровь мгновенно пропитала рубаху, в груди похолодело. Казалось, сам Морет удовлетворенно вздохнул над ухом, коснувшись спины липкой дланью.

Перед глазами золотом сверкнули бордовые одеяния встретивших Воина стражей, которые не могли появиться здесь так рано... Если только не знали, где ждать!

«Повелитель нас предал!» – мелькнуло в ускользающем сознании.

Мужчина, укрытый от самого пронизательного взгляда черной тенью деревьев, довольно кивнул самому себе, и серебристая лента на бороде «косичкой» чуть дернулась.

Он наблюдал, как вспыхнули огни на крепостных стенах Мангерета. Как пламенные росчерки «запели» в воздухе, и как занялись стога, облитые земляным маслом, на охранной полосе. Призрачный свет взошедшего Элеса сменился полыханием кострищ, осветивших подступы к стенам на расстоянии полета стрелы.

Мужчина улыбнулся, молча развернулся на север, где горизонт скрыли Призрачные горы, и растворился в густом лесу.

Фигуры разменяны, ход сделан. Остальное сделает ненависть – Смертные ответят Перворожденным, застланные мезью глаза не увидят правды. Осталось лишь подождать.

Все время Мира в его распоряжении.

– Союз Латтрана с Перворожденными слишком крепок, и события в Мангерете подтвердили это!

Золотые лучи проникали в зал сквозь витражи высоких окон. Собранные великими умельцами из кусочков различного размера, витражи заставляли свет не просто проходить сквозь стекло, они «ломали» его лучи, рассеивали по всему залу, полностью лишая темных углов и теней. Свет струился ровный, чистый и мягкий.

Вышитое золотом восходящее солнце с пятью лучами сверкало на знаменах, словно это оно, поднимаясь из бордовых глубин, освещало зал. И в его свете камень стен горел белизной и походил на снег, такой чистый, какой бывает лишь на пиках Призрачных гор.

Подсвечники из «желтого металла» играли бликами, алмазны, украшающие практически все в зале Золотого Совета, искрились.

Особенно красиво это выглядело, если задрать голову вверх – весь потолок покрывали «королевские камни» различных размеров. Более мелкие тонкими ниточками соединяли крупные, сплетая все вместе в единый неопиcуемый узор, напоминающий небо Гольхеймурина – то небо, что видно лишь ночью.

– Эйнар не поддержал Мангерет! Мы рассчитывали, что у него не останется выхода, что другие короли Равнины вынудят его! Но этого не случилось!

В центре светлого зала, за столом из золотого дуба, резные ноги которого раскинулись под массивной столешницей, словно лапы гигантского хищника, собрались пятеро. Четверо по бокам, по двое, и один во главе, на кресле с высокой спинкой, что больше походило на трон. И хотя зал своим убранством больше напоминал храм, доспехи мужчин недвусмысленно выдавали в них воинов.

– И чего мы добились?! Неудачное нападение на Эрминхайд... Мы должны были посеять раздор, развязать войну! А что в итоге?! Один мертвый эрфинг Смертных!

Говоривший все это воин, что сидел последним слева, озирался на лица собравшихся, ища поддержки. Его глаза пылали страстью и нетерпением – в порыве монолога он оперся на стол локтями, дабы придать словам вес. Молодое лицо покраснелось, ноздри жадно загребали воздух.

Воин во главе стола восседал, прикрыв глаза и расслабленно откинувшись на спинку. Руки покоились на подлокотниках, а пальцы слегка поглаживали отполированное дерево. Иссиня-черные волосы растрепанными волнами струились по плечам, стальной нагрудник с золотым узором на широкой груди равномерно вздымался, в такт дыханию. И на каждом вдохе льняная рубаха и кольчуга натягивались на плечах и предплечьях, очерчивая мышцы, могучие и гладкие, как валуны на западном берегу Энсейской бухты.

– Для чего ты все это рассказал? – не открывая глаз, произнес мужчина, короткая борода «косичкой» дернулась, «стрельнув» серебряными искрами на перехватывающей ее ленте.

Он не повысил голоса, но голос ударил в белоснежные стены, словно раскат грома. Глаза распахнулись, и воин, что смел так дерзко разговаривать, побледнел. Между лопатками побежал холодок, кольнуло в груди – он увидел бушующее пламя, что яростно рвется из глубоководной синевы. Остальные, хоть и без того опирались на спинки, и вовсе вжались в них, стремясь выйти из поля зрения обжигающе холодных глаз.

– Ты хочешь сказать, что я ошибся? Что был не прав? – мужчина подался вперед, локти легли на дубовую столешницу, и та протяжно застонала. Лапы, поддерживающие ее, дрогнули под тяжестью. Мужчина взревел: – Ты говоришь, что я допустил глупость?!

Последняя фраза разнеслась, словно волна штормового прибоя, безжалостно бьющая в отвесные прибрежные скалы. Грянула с такой силой, что, на мгновение показалось, сам свет колыхнулся, будто пламя свечи на ветру; дрогнули каменные своды, звякнули кубки на столе, задребезжало стекло витражей, затрепетало золотое солнце на тяжелых гербовых знаменах...

Или не показалось?..

Эхо раскатилось по залу.

Молодой воин потерянно хлопал глазами, в ушах звенело, сердце рвалось из груди. Горло сдавило незримой рукой. Такой холодной и липкой, что мороз разлился по всему телу, заполняя в легкие, в желудок, и скребя изнутри. Воину казалось, он видит могучую руку Морета, руку самого Проклятого Бога, сотканную из дымки и тумана, протянутую к нему и стиснувшую горло кузнечными клещами. Пальцы сжимались на шее все сильнее, в глазах поплыло; воин чувствовал, как жизнь тонкими струйками сочится из него...

Все прошло внезапно, как и началось.

Застрявший ком продрал горло, с такой болью, что воин скривился. Обескровленное лицо осунулось, окоченевшие пальцы не слушались: не получалось ни сжать, ни пошевелить. Рубаха намочила и противно липла к спине, губы шевелились, но безмолвие сковало уста. Он

выглядел так, словно вернулся из-за Серых Граней, из Ифре, Мира, где живым не место: бледно серый, с погасшими глазами.

Оставшиеся трое еле сдерживали дыхание. С повелителем лучше не спорить, когда он в гневе... С ним вообще лучше никогда не спорить!

– Конечно, все пошло не так, как задумывалось, – мужчина на троне нарушил молчание, – но цель достигнута, – голос звучал спокойно, глаза ухмылялись. – Мангерет – наш. Мы посеяли сомнение в их размеренной жизни, заставили пойти против своих. И теперь... Теперь все пойдет, как надо.

– А как же Дитя Солнца? – вкрадчиво обронил ближайший слева. – Вдруг...

– Не вдруг! – грубо перебил повелитель, и губы злобно оскалились. – Всему свое время! Дитя Солнца придет к нам. Все идет, как и должно.

Глава 3. 7 Эон, 481 Виток, 13 День Осени

Только-только началась осень, но в горах Содетер зима никогда по-настоящему не отступала. Белые хлопья припорошили кроны деревьев, покрыли гладь Стеклянного озера, очертания которого еле угадывались на юго-востоке – вечно замерзшее, оно лишь летом являло миру водную гладь, и то ненадолго.

Угольно-серые стены возвышались перед юным принцем Летар. Такие же темные башни поднимались над зубчатым гребнем. Но даже вся крепость Атеом, казалась мелким камушком на фоне Южного Предела, что тянулся во весь горизонт на сотни тысяч шагов. Снежные пики растворялись в молочно-туманном небе, и высотой с ними могли потягаться лишь Призрачные горы.

Потоки свирепого ветра, гуляющего по склонам, виднелись даже отсюда – облака вихрились, снег срывался с невидимых вершин, и рои «белых мух», клубясь, обрушивались вниз. Южный Предел постоянно двигался, будто живой. Край Мира выглядел, как и подобает: величественно и устрашающе, но в то же время завораживающе прекрасно.

Лето Марен почти безвылазно провел в Зале Знаний Цитадели Мелестан. Правда, открывшаяся ему, не оставляла в покое. Он искал в легендах, мифах и летописях Зверей, которым стал отец. Узнал о многих войнах, которые забыл сам Мир. Но нигде не нашел ни единого упоминания. Свитки молчаливо «утверждали», что подобные существа Миру не знакомы.

Складывалось впечатление, что Начало Времен, кем-то заботливо сокрыто.

Но Перворожденные не отступают!

А где искать забытые знания, как ни в самой древней крепости, что еще стоит на плоти этого Мира? Чьи стены, по легендам, помнят самого Великого Воина. А то и вовсе – Древних драконов на пике могущества! Может, и Старшие Боги некогда заглядывали сюда...

Марен стоял перед воротами школы Мор де Аесир, школы Меча Богов, лучшей школы мечного искусства во всем Ардегралетте. Здесь обучали всем известным техникам боя, и владению всеми видами клинков, когда-либо измышленных в Сером Мире. Занятия начинались с рассветом и заканчивались, когда Дневное Солнце уже близилось к горизонту, и свет начинал меркнуть. А часто и после заката за Стальные горы.

Считалось, что крепость Атеом построили еще при Великом Воине, во времена Объединения Домов, и школа основана им самим – здесь его звали Винден Орм, что означало Крылатый Змей. Но ходили упорные слухи, что замок пустовал уже множество тысячелетий, прежде чем его нашли Перворожденные.

Утверждение это опровергнуть не представлялось возможным, ввиду отсутствия каких-либо свидетельств или записей – даже Книга Времен не помнила историю столь далекого прошлого. Все известное о событиях того времени исходило из легенд и мифов, большинство которых в то время передавались из уст в уста. А, как известно, любая подобная история не обходится без украс, и вписывания себя в произошедшие события.

Наверняка знали одно: когда-то в Мор де Аесир обучались только воины Темной Стражи. Это сейчас выпускники вольны служить, кому пожелают. А в те далекие времена, когда Дома Перворожденных только объединились, когда войны не стихали и плавно перетекали из одной в одну, школа Меча Богов служила лишь одной единственной цели: обучать воинов, лучших из лучших.

Впрочем, древние законы отбора с тех пор не менялись, и Темная Стража по сей день слыла элитой.

Помимо обучения бою, в Атеом преподавали прикладные искусства: кузнечное мастерство и езду верхом. Без этого не становились хорошими воинами. И правда, что за воин, который не знает, как держаться в седле? Или, как куется меч и на что он способен?

И многие выпускники оружие ковали сами, придавая ему «характер», вкладывая, как считалось, «часть себя» – такое оружие всегда получало имя.

Но главным искусством в Мор де Аесир все же оставался бой.

Обращению с мечом Перворожденных учили с детства, едва ли не с того момента, как они могли стоять без посторонней помощи. Мужчина должен уметь применять свою силу, потому что лишь сильный может решать свободно, не оглядываясь на других. И хотя многие впоследствии выбирали род занятий далекий от войны, каждый Перворожденный воспитывался воином. А воины – с мечом рождаются и с мечом умирают. «Ледари не приходят за павшим, чья рука не сжимает клинок», – учили отцы своих отпрысков. За женщин и детей заступалась кроткая Энле, которую часто звали Дарительницей Жизни, но мужчинам такой путь в Имале заказан.

На протяжении тысячелетий Перворожденные не умирали «своей» смертью, так повелось с Начала Времен, и готовили к этому с детства.

Первую осень в школе Меча Богов навур [навур – досл. «новичок», поступающий, или прошедший вступительное испытание] занимались отдельно от иларенов [иларен – ученик] и постигали основы, начиная с того, с какой стороны братья за меч, как правильно стоять, как держаться в седле. Многих, даже бьющихся вполне умело, приходилось переучивать.

Наставники обучали владению различными клинками, щитами и их комбинациями. Всем без исключения преподавалась и стрельба из лука. В меньшей степени обучали обращению с копьями, столь любимыми конницей Смертных, и древними секирами – это оружие теперь редко использовалось Перворожденными.

В эту первую осень наставники оценивали потенциал своих новых подопечных и выделяли предрасположенности. Кто-то лучше владел щитом и мечом, кому-то легче давались парные мечи. У кого-то стрелы ложились плотнее.

Спустя осень, на тринадцатый день после Долгой Ночи [зимнее солнцестояние] проводились испытания, по итогам которых оценивали способности к кому-либо виду боя. И именно эти таланты скрупулезно пестовались, доводились до совершенства, не забывая, впрочем, прививать и сопутствующие техники и навыки.

Традиция эта исходила из тех далеких времен, когда Темная Стража и была, собственно, войском Перворожденных, нежели из потребностей самой Темной Стражи, теперь, фактически, являвшейся войском Дома Летар. Что, впрочем, не мешало ей оставаться лучшим воинством, не в одной битве доказавшим, на что способны носящие «луну с черным волком». И до сих пор вселяющим благоговейный трепет одним только видом своих черных, словно выкованных из тьмы, доспехов и плащей окаймленных «светом Ночного Солнца».

Начиная со вступительных испытаний, в Атеом использовалось только боевое, остро заточенное оружие. Закончить тренировочный день, истекая кровью – обычное дело. Травмы, конечно, редко выбивали Перворожденных «из седла» надолго, но случались и серьезные происшествия, вплоть до «встречи с Богами» – в Мор де Аесир не признавали жалости.

Совершенно отдельной дисциплиной преподавался двуручный меч. Его изучали дополнительно самые крепкие, как телом, так и духом – их называли «райденарами» [досл. «яростный воин», берсеркер]. Причем, владение «пламенным» логмесом и «клыкастым» дахондиром [досл. «две руки», двуручный меч с двумя гардами, цвайхандер] несколько различалось, но основные требования к ученикам предъявлялись одинаковые. Владение и тем, и другим, требовало особой силы и ловкости, а также храбрости, граничащей с безумием.

Именно эти одиночки чаще других становились героями, наводящими на врага ужас при одном упоминании их имени. Именно райденары всегда находились в гуще битвы, покрывая себя кровью – как своей, так и врагов, – и, конечно же, нетленной славой. И именно о них слагались саги и легенды.

Три долгих витка юноши постигали Искусство Меча, добровольно став узниками крепости Атеом. А затем, на тринадцатый день после Большого Восхода [весеннее равноденствие] проводилось последнее испытание, по тем же правилам, что и отбор. И по итогам каждый артен [от «ар ретен» – воин равный, выпускник, прошедший последнее испытание] получал кольцо из черного серебра, с вытравленным Знаком школы, указывающим на уровень мастерства, и личным символом, определяющим хозяина – не существовало двух одинаковых колец.

Не прошедшие же последнего испытания именованы [именат – воспитанник] покидали Мор де Аесир с пустыми руками.

Жестоко? Но только так становились лучшими.

...На вступительное испытание Марен пришел без меча, в простой непримечательной одежде: кожаный утепленный жилет, меховые сапоги из мягкой кожи, дорожный плащ с капюшоном. Все черного цвета. Вполне себе обычная одежда для Перворожденного. Лицо прикрыл платком, а капюшон опустил до самых глаз: кто-нибудь мог знать принца в лицо. Шестнадцать витков слишком ранний возраст для поступления: к обучению допускались лишь те, кто на витке испытания перешагивал восемнадцатый. В Мор де Аесир чтит Старый Закон, а он строго гласил:

«Лишь юноша, за плечами которого восемнадцать полных витков имеет право стать учеником Мор де Аесир. И лишь прошедший испытание будет допущен в крепость Атеом и к обучению искусству боя».

Принца Летар не прогнали сразу лишь потому, что в Старом Законе не говорилось ни слова о возрасте поступающих. Имена заносились в списки навулов только в случае прохождения отбора. До этого на претендентов не обращали внимания – просто выдавали костяную табличку с высеченным рунным номером.

К тому же, до Марена никто и не думал появляться здесь раньше достижения положенного возраста. И именно на это принц и рассчитывал – Старый Закон строг, но он не запрещает пройти вступительное испытание.

...Претенденты собрались перед песчаной ареной во внешнем дворе. Наставники следили за схватками с невысокой трибуны напротив, а ученики школы толпились у левого края. Правой стороной арена примыкала к стене, где находилась стойка с оружием. Хотя, многие из учеников имели свои мечи – кто с ними пришел, а кто выковал уже здесь.

При поступлении юноши сражались между собой. Оружие – по выбору, на усмотрение самих поступающих. Разрешалось взять, как щит, так и второй меч. Да, хоть кинжал, если было желание вызвать всеобщее презрение – «оружие женщин», что можно спрятать в рукаве или за голенищем, считалось недостойным Перворожденного. Но защите от него тоже обучали: никогда не знаешь, с чем придется столкнуться.

И все же, по негласному правилу использовались только мечи.

Соперники выбирались в случайном порядке, при помощи выданных ранее номеров – каждый знал только свой. Это не позволяло наставникам влиять на результат... Впрочем, честь Перворожденных чуралась любой лжи. «Честная смерть, лучше бесчестной жизни», – говорил Великий Воин.

И в итоге, победитель становился учеником, а побежденный покидал крепость Атеом. Второго шанса поступить не давалось ни кому.

...Каждый раз, когда кто-то одерживал победу, по толпе прокатывался одобрительный гул – ученики приветствовали новых названных братьев.

Будучи младше и, как следствие, на полголовы ниже среднего роста собравшихся, Марен несколько выделялся из общей массы. Он держался отстраненно, стараясь не привлекать лишнего внимания. Праотец учил, что знание соперника дает преимущество, но следить за боем не имело смысла: никто не бился дважды.

Звон клинков разносился по двору. Толпа поступающих редела. А Марен все ждал, когда назовут его номер – тринадцать.

И вот их осталось семеро.

Юноши косились друг на друга, и каждый понимал, что одному нет пары. С каждым номером, оглашенным главным наставником, слышались два вдоха облегчения: у выбранных появлялся шанс проявить себя – никто не участи последнего...

Пятеро. Трое...

Принц Летар все еще находился среди претендентов.

Он узнал одного из учеников: Кригара, наследника Дома Ваин, чьи владения простирались на дальнем северо-востоке, за горами Стенсваар, а родовой замок стоял на северном берегу устья рек Стора и Эрмина, впадающих в Восходное море. Принц встречался с ним, когда наследник с отцом, офтином [титул, глава Дома] Ториндаром, бывали в Мелестане – Шестой Дом по праву считался верным сторонником королевской семьи. Кригар запомнился Марену общительным и уравновешенным, каким и должен быть истинный наследник рода. И он очень хорошо – даже отлично – владел различными мечами.

Наследник Ваин обладал приятным лицом с «мягкими» скулами и высоким лбом. От широкого носа расходились складки, подчеркивающие границы чуть впалых щек. Тонкие широкие губы опоясывала короткая борода того же угольного цвета, что и длинные волосы, беспорядочными волнами падающие на плечи – у висков они сплетались в две тонкие косы. Изпод аккуратных прямых бровей сверкали благородные лазурные глаза. В толпе юноша выделялся крепким телосложением и высоким ростом.

Выпускное испытание ждало Кригара через одну весну.

Наследник скользнул взглядом по оставшейся тройке претендентов и зацепился за принца. Из всех троих юный Перворожденный, стоявший поодаль, единственный выглядел безразлично спокойным и сосредоточенным. И совершенно не обращал внимания на происходящее на арене, словно не его судьба решалась в оставшиеся мгновения.

Принц не отвел и не опустил глаз: мужчина не должен прятать взгляд.

Какое-то время они изучающее смотрели друг на друга. А затем Кригар едва заметно кивнул, губы дрогнули, уголки чуть приподнялись. И Марен понял, наследник узнал его: тень капюшона не могла скрыть ясных сапфиров принца. А род Летар всегда выделялся признаком сильной «древней крови».

– Номер двадцать, – раздался рокошующий бас главного наставника Терина.

Один из претендентов, вынимая меч, шагнул вперед. На лице воссияла улыбка: Боги дали шанс показать себя.

– Номер тридцать четыре, – произнес тот же голос.

И второй юноша, вскинув руки, бросился на арену; толпа учеников загудела; Марен не шелохнулся, ничто в нем не дрогнуло, не изменилось.

Мэтр Терин молчал, не отдавая сигнала к началу. Гул медленно сменялся удивленным шепотом, словно ученики только заметили стоящую чуть в стороне одинокую фигуру.

Марен не обращал внимания, замер, словно гранитная статуя; и лишь легкий ветерок колыхал полы одежды. Краем глаза он видел, как один из учеников толкнул локтем другого, кивнул в его сторону. Один за другим, к принцу обращались взгляды всех присутствующих Перворожденных.

В такие моменты оставшийся последним у края арены понимал, что Боги отвернулись от него: по правилам школы, предстоит бой с одним из выпускников. И пусть им окажется не самый умелый, шансы выстоять против владеющего хотя бы основной техникой Унамор [досл. «искусный меч», основная техника владения мечом], и покинуть стены крепости Атеом живым, стремятся к нулю. Зато резко возрастает шанс лишиться головы: все мечи в Мор де Аесир выкованы из лучшей клостенхемской стали, и разрезают перышко, падающее на острие.

Мало кто оставался на этот поединок – Перворожденные не страдали малодушием, но и к нелепой смерти особой тяги не имели. Уйти сейчас не считалось позором. Такова воля Богов.

Но Марен не уходил. Напротив, сделал шаг вперед, давая понять, что готов поспорить с Богами, что Судьба явно заблуждается на его счет, что Богиня Инниут, ревностно следящая за Линиями Жизни, где-то просчиталась, недоглядела.

Теперь принц по достоинству оценил всю насмешку выпавшего номера... Тринадцать Старших Богов, что правят Миром с его Рождения; тринадцать Древних драконов, что вселили ужас во все живое, когда Мир был еще совсем молод; тринадцать ледари, что провожают достойных воинов в Имале... Даже теалар состоит из двенадцати итларов и одного итлаира [воинское звание, десятник].

И сейчас, по воле тех же Богов, Марен остался один у края песчаной арены с зажатой в руке додревней руной, высеченной на кости: «сеан офано толеф» – что означает «первый над двенадцатью»... Руна Айдомхара, как зачастую ее называют. Сейчас она редко используется, но в крепости Атеом традиции крепки, как нигде в Ардегралетте.

– Ты осознаешь, что тебе предстоит? – спросил главный наставник, разглядывая Марена.

И пусть лицо принца скрывал платок, сапфировый взгляд говорил лучше всяких слов.

– О мор ом ондир ед ул гасед итуен ролог, [С мечом в руках, я приму свою судьбу], – спокойно ответил юноша.

– Что ж... – протянул главный наставник Терин, чуть прищурившись, и обратил взор на арену: – Начинайте.

Мечи сшиблись в то же мгновение, «пение» разнеслось по двору, отражаясь от каменных стен. Юноши закружили в смертельном танце, клинки засияли стальными полукружьями...

Но никто из учеников не следил за боем. Все глаза разглядывали невысокого Перворожденного, оставшегося последним у границ арены, что принял вызов Судьбы... Инниут строга к тем, кто пытается ломать предначертания. Говорят, даже Великий Воин не сумел избежать ее кары.

Ученики тихо перешептывались. И, судя по всему, уже предвкушали кровавое зрелище.

При желании принц мог бы услышать, что они шепчут друг другу, но такого желания не возникало – он наслаждался звонкой «песней», что всегда так очаровывала и завораживала.

...«Двадцатый» безоговорочно победил соперника, но на этот раз толпа не разразилась приветственным гулом – лишь одинокие выкрики; и в воцарившейся тишине, казалось, еще звучат стальные отголоски.

Главный наставник буравил Марена взглядом, молча рекомендуя послушаться Богов и не гневить Судьбу. Но принц и теперь не отвел глаз. Один шаг – и песок запечатлел принятое решение.

– Лем, на песок, – наконец бросил мэтр Терин.

Из толпы, самодовольно ухмыляясь и поигрывая мечом, выбежал юноша, превосходящий принца в росте и ширине плеч.

Он тоже оказался знаком принцу. Но, в отличие от Кригара, не вызывал симпатий. Наследник Лем Коррин даже со Смертными мог бы потягаться в самодовольстве и высокомерии. Как, впрочем, и все из Третьего Дома – их род всегда, мягко говоря, недолюбливал королевскую семью, еще со времен Войн Крови, когда они выступили против Запрета и потерпели поражение.

Марен двинулся к стойке с мечами – из всех навуров, он единственный пришел без оружия.

Лем в центре арены, под одобрительные возгласы толпы, демонстрировал различные удары и выпады. Ему крайне нравилась возможность лишний раз покрасоваться. Наследники

крови Коррин на протяжении всей истории Мира мнили себя выше других. Но их эмоции и страсти оставались столь же близки к Смертным, сколь и нетерпимость к оним.

Марен выбирал не спеша. По правилам школы, он имел право взять любое оружие. Принц брал в руки, то один клинок, то другой. Показательно взвешивал баланс, примерялся к длине, хотя выбрал, лишь взглядом окинув стойку. Наконец, ладонь сомкнулась на кожаной оплетке рукояти.

По толпе прокатился ропот, когда он выходил на арену, и лишь Кригар хитро усмехнулся – принц выбрал хедмор.

Несмотря на то, что меч по длине несколько уступал дахондиру, он являлся двуручным. И отличался от дахондира, в основном, отсутствием «клыков вепря» и не заточенной части между ними и крестовиной. Другими словами – просто большой меч, который в руках юного принца выглядел и вовсе огромным.

Клостенхемская сталь переливалась, словно покрытое морозным узором стекло. Кожаная оплетка рукояти приятно холодила кожу, удобно лежа в ладони. Приподнятые к острию дужки крестовины ловили стальными гранями мягкие лучи рассеянного света.

– Гляньте-ка, никак сам Великий Воин! – во всеуслышание насмеялся Лем, обращаясь к ученикам и тыча в сторону принца своим коротким крайвером.

Раздался оглушительный смех, и даже на лице главного наставника появилась надменная усмешка.

– Нужно было уйти, когда была возможность, – зло оскалился наследник Коррин, когда мэтр Терин разрешил начинать. – Теперь я отправлю тебя в Ифре.

Толпа затаилась. Мертвая тишина непроницаемым туманом опустилась на двор крепости Атеом. Казалось, если прислушаться, можно услышать биение сердец и сдерживаемое дыхание.

Марен уронил острие меча на песок арены – глухо звякнуло, – и очертил перед собой полукруг.

– Зона моего превосходства, – произнес он чуть громче шепота.

Но слова заполнили безмолвную пустоту, разлетелись над ареной, как всплеск над ночной рекой.

Наставник Дайнер, что учил райденаров, подался вперед с возросшим интересом. Глаза блеснули любопытством, и недоверчиво сузились, будто услышал голос старого знакомого, но до сих пор силится понять, так ли это.

Марен поднял меч двумя руками, отведя правое плечо; клинок замер горизонтально земле, острием целя противнику в грудь. Ноги напряжились...

И Лем атаковал. Резко, без предупреждений. Рванулся вперед и влево, и тут же сместился вправо, нанося рубящий удар от плеча, нацеленный принцу в шею. Неимоверно быстро, но настолько же просто и предсказуемо, что шагнул Марен в сторону и выставь ногу, и наследник пробороздит песок арены носом. Но принц не сделал этого: в бою нет места играм, а глупость противника – вина самого противника.

Принц подался навстречу, поворачивая корпус – стремительно, словно удар молнии, раскалывающей небо. Время послушно растянулось, став густым, как смола, выступающая на дереве.

Он видел ухмыляющиеся глаза Лема – в них жила уверенность в легкой победе. Видел несущуюся сталь, блики на лезвии. Слышал гудение рассекаемого мечом воздуха, пульсирующие толчки в жилах. И на краткое мгновение, казалось, ощутил сладкий запах крови, почувствовал на зубах привкус металла.

Хедмор принца острием вниз встретил крайвер Лема – камень подхватил звонкое эхо, скользнул ближе к гарде, осыпав песок арены искрами. Поворот, толчок – и правый наплечник Марена врезался наследнику в грудь, заставив захлебнуться воздухом. Крестовина зацепила вычурный эфес короткого меча, вырывая из руки; Лем отшатнулся. И в следующее мгновение

хедмор дыхнул холодом в незащищенную шею; по лезвию медленно покати́лась алая струйка; крайвер гулко звякнул об утопанный песок.

Тишину, длившуюся несколько мгновений, запоздало взорвал восторженный рев. Наставник «двуручников» рывком поднялся с места. И лишь на лице Кригара улыбка стала шире – он и сам когда-то точно так же недооценил молодого принца. Да, наследник Ваин прекрасно помнил первый бой с юным обладателем сапфирового взгляда.

– В Ифре ждут тебя, эрфинг [титул, наследник]! – раздались насмешливые выкрики из толпы. – Передай почтение Морету!

В глазах Лема мелькнуло недоумение – опустевшая ладонь неверяще сжималась, не осознавая своей пустоты, – а затем вспыхнула ярость. Он отдернул голову, рука рванулась к поясу, где висел второй крайвер, лицо перекошилось от ненависти, из-под губы показались клыки...

– Довольно! – раскатился по двору грохочущий бас.

Главный наставник оперся на ограждение трибуны. Глаза пристально взирали на Марена, но губы больше не усмехались. Он не сомневался, что бой будет коротким, но исхода ждал другого.

– Открой свое лицо, – спокойнее добавил он.

Марен опустил хедмор; алая капля сорвалась с лезвия. Рука откинула капюшон на спину, пальцы стянули платок...

Лем гневно выдохнул.

– Тебе следовало убить меня, щенок, – процедил наследник сквозь зубы.

– Ты знаешь правила, принц, – заговорил главный наставник, отпуская поручень и распрямляясь. – Происхождение ни на что не влияет в стенах Атеом. Короли не властны над нашими традициями. Мы не можем принять тебя в ученики: ты еще молод.

Среди наставников послышался одобрительный ропот. И лишь мастер «двуручников» улыбаясь во все зубы, скрестил руки на груди, ожидая развития ситуации.

– И лишь прошедший испытание будет допущен в крепость Атеом, – ровным голосом ответил Марен словами Старого Закона, глядя наставнику в глаза. – Думаю, здесь найдется свободная комната.

Наставник «двуручников» подошел к мэтру Терину и что-то шепнул на ухо. Остальные мастера придвинулись полукругом. Никогда прежде не случалось, чтобы на испытание пришел шестнадцатилетний, да еще и победил лучшего ученика перед выпуском.

– Ты прав, такого запрета нет, – главный наставник вновь обратился к Марену и усмехнулся. – Однако, если ты останешься, заниматься ты будешь один, мастера не будут тратить на тебя время. Оставшись, ты не сможешь пройти отбор, когда исполнится восемнадцать, что, в свою очередь, не даст шанса пройти выпускное испытание. Ты никогда не получишь кольца выпускника и Знака Мор де Аесир!

Принц обвел взглядом наставников. Он понимал, что даже его маленькая хитрость – неточность трактовки Старого Закона – не позволит ему стать учеником раньше положенного срока. Наставники не допустят нарушения устоявшихся традиций, они слишком привыкли подчиняться им.

Но он здесь не затем, чтобы менять уложения.

– Меня устраивает, – кивнул Марен, и на губах мелькнула победная улыбка.

Главный наставник недовольно хмыкнул и взмахнул рукой, что говорило об окончании вступительного испытания. А мастер «двуручников» все так же беззастенчиво разглядывал принца, не двигаясь с места.

Лем поднял выпущенный из руки крайвер, косясь налитыми кровью глазами. Демонстративно полоснул себя по запястью и окропил арену – хоть в этом наследник не отступил от воинской чести: голодный клинок нельзя убирать в ножны.

– Подозреваю, вы могли снести эрфингу голову, мой принц, – нарочито громко произнес Кригар, чтобы Лем слышал – кулаки наследника Коррин сжались, – и добавил уже тише: – Помню, с каким трудом сам сражался с вами. Теперь что-то мне подсказывает, что тогда вы просто играли, позволяя «рисовать» на вашем доспехе.

– Не называй меня «мой принц». Ты же слышал наставника, в Мор де Аесир нет принцев.

– Я слышал, что вас не приняли в ученики, мой принц, – парировал Кригар и добавил с некоторым сожалением: – Вы не получите кольца, как ваш отец... Эрфинг должен носить черное серебро.

– Важно не то, какие знаки ты носишь, а то, какие знания тебя наполняют, – бросил Марен через плечо, вешая отертый хедмор на место. – К тому же, я – не эрфинг.

...Последним во дворе задержался лишь наставник «двуручников». Спустившись с трибуны, он вышел на истоптанный песок, внимательно разглядывая следы. Изучал тщательно, отходя то в одну, то в другую сторону. И чем дольше напряженно вглядывался, тем выше поднимались уголки губ.

– Зона превосходства... – пробормотал себе под нос.

Лем так и не пересек, очерченного Мареном полукруга.

Глава 4. 7 Эон, 482 Виток, 39 День Осени

Небольшой дом в два этажа укрылся на поляне среди леса. Обычный, ни чем не примечательный, но достаточно просторный. Зеленая краска чуть обветрилась, выцвела, но даже так выглядела ярче травы Ардегралетта – той, которую помнила Лита. Со всех сторон дом окружали высокие деревья вперемешку с кустарником. Они служили живой оградой и стеной, скрывающей от посторонних глаз. В ветвях щебетали птицы, в подлеске копошилось зверье, но они не доставляли хлопот. Даже наоборот, издаваемые звуки так не походили на замковую суету, и придавали некое умиротворение этому месту. Свой маленький Мир, тихий и спокойный.

На террасе с южной стороны дома – стол и несколько кресел. Сплетенные из множества тонких прутьев, каждый из которых можно переломить одной рукой, на вид они казались такими хрупкими, что задень – и рассыплются. На деле же – собранные вместе, воедино, с запасом выдерживали взрослого... Отец тоже часто говорил, что вместе – можно и с Богами поспорить.

На юге виднелись силуэты Призрачных гор. Заснеженные пики терялись в облаках, сливались с небосклоном. Не представлялось возможным рассмотреть, где заканчиваются вершины – да, и заканчиваются ли они вообще, – и начинается небо. Высокие исполины заслуженно носили звание Края Мира.

Звон пронзил воздух, на мгновение заглушив трели. И когда затих, птицы ответили, передавая его на все голоса. Он разносился среди крон, окружающим дом Саодира Гарта, то смолкая, то разгораясь с новой силой, и убегая все дальше на юг, вглубь Заповедного леса.

Стрела ударила в сердце мишени, впритирку с двумя уже торчавшими; гулко жужжало трепещущее древко.

– Отлично! – похвалил Саодир.

Лита вновь натянула тетиву, белое оперение привычно ласкало пальцы. Еще один тонкий свист, и еще одна стрела глубоко вонзилась в дерево.

– Хорошая получилась сталь, – улыбнулся охотник, снимая мишень. – Труды не пропали втуне.

Он не пытался вытащить стрелы: чтобы их достать придется расколоть мишень.

Минуло девять весен с тех пор, как девочка вышла в этот солнечный мир, который Саодир называл Гольхеймурином, что, собственно, и означало – Земля Ярких Красок.

И он отлично оправдывал свое название.

Здесь все в точности соответствовало картине, висевшей у Литы в комнате в Хемингаре. Зеленая сочная трава мягко стелилась под ногами и щекотала пятки, когда девочка босиком ступала по ней. Голубое чистое небо простиралось над головой, докуда хватало глаз. Вода в озере, в тысяче шагов на северо-западе, казалась прозрачным стеклом, но взгляд тонул в глубине. И, конечно же, солнце. Яркое и теплое. Не такое, как представляла Лита, но лучше. Его свет не просто грел, а обволакивал со всех сторон, заключая в свои объятия. Заставлял щуриться, нередко выдавливая из глаз слезы, и растягивал улыбку до ушей.

Но кое о чем девочка не имела даже представления, не все нашло отражение на картине... Саодир называл их «звезды», но часто говорил Другие Миры.

Когда Дневное Солнце опускалось, и свет медленно угасал, на небе одна за другой зажигались блестящие точки. Они, словно алманты, рассыпанные на черном покрывале, сияли сверху. Благодаря им, ночь в Гольхеймурине не становилась такой темной, как дома, даже во время смены солнц. Которых здесь оказалось три! День полностью принадлежал Золотому Эриану, а ночью его сменяли Элес и Радес.

Лита дивилась.

Если верить мифам Серого Мира, Элес и Радес – двое неразлучных братьев – помогли Великому Воину изгнать Кровавых Богов в те далекие времена, когда Мир был еще молод. Говорят, именно братья заперли врата Ифре, чтобы те не смогли вернуться. Радес тогда вызвался охранять врата, и Элес остался в одиночестве.

Хотя, существовало мнение, что «младшему брату» не предоставили выбора, бросив на вечную стражу. И именно по этому Элес не поддержал Эриана в его Гневе, позволив Дауре укрыть всех «детей ночи» пологом своего платья.

А следом и Древние драконы, что явились на зов Великого Воина, отказались подчиниться Старшему Богу и приняли сторону Темной. И Раэнсир сейчас дремлет под Спящей горой, а смог его дыхания укрывает Ардегралетт от испепеляющего «золотого огня».

Вольные толкователи, заявляли, что как раз за это Боги и изгнали Крылатых Змеев из Мира.

Другие мифы, впрочем, утверждали, что и младший из близнецов Радес, и черный дракон Раэнсир отдали много сил в борьбе с Кровавыми Богами и уже не могли уйти вместе с братьями. И как ни странно даже в пределах Ардегралетта, находились приверженцы обоих толкований прошлого.

Отец, рассказывая эти мифы, говорил, что все они далеки от истины, но сама истина спрятана еще глубже. «Тех, кому дано знать правду, давно уже нет в Мире», – поучал он маленькую Литу. Но, всегда уверенно поправляя, что Радес никуда не делся, и его сил просто-напросто не хватает, чтобы пробить облака, скрывающие Серый Мир от Гнева Старшего Бога.

Тогда Литу разбирало любопытство, откуда он знает?

Теперь же девочку удивляла схожесть историй двух таких разных Миров – Серого и Яркого. Она прекрасно помнила слова отца, что все живущие – дети Богов. А если учесть звезды Гольхеймурина, видимо, одного Мира Богам мало...

С каждой новой весной, Лита все чаще вспоминала дом. Коридоры замка, увешанные серебристо-алыми знаменами, снились по ночам.

Во снах девочка вновь и вновь возвращалась в тронный зал и пряталась от отца. Каменные силуэты Крылатых Змеев безмолвно следили за ней искрящимися глазами. Чешуйчатые тела извивались, втиснутые в арочные обрамления, пытались сломать каменные темницы и расправить крылья. Она видела на сияющих гранях себя, гербы с поднятым серебряным мечом и всполохи пламени факелов – во всех глазах отражался тронный зал Хемингара.

Во всех, кроме Айдомхара – черные обсидианы оставались непроницаемы для взгляда.

Иногда, проснувшись, Лита не сразу понимала, где находится. Образы дома, его запахи и звуки, преследовали, и казались такими четкими, словно она только что на самом деле была там. Вдыхала смолистый чад и морозный воздух, прикасалась к алым полотнам, а в ушах разносилось эхо шагов. Проснувшись, она долго не могла отделаться от этих видений.

Но уже к полудню детали родного Хемингара меркли. Золотое Солнце словно сжигало память, оставляя лишь пустоту и тоску. И холодную жажду мести. «Смертью я отвечу на смерть», – часто голосом отца звучали в мыслях слова Великого Воина.

Но несмотря ни на что, Лита всегда помнила маму. Ее взгляд тогда, на выходе из пещеры. Нежное прикосновение на своей щеке... Лита старалась, как можно чаще вспоминать ее образ, рисуя во всех деталях в воображении. Она не могла позволить себе забыть...

И еще она помнила Зверя. Он так же часто преследовал ее.

Лита сражалась с ним. Пронзала мечом его сердце. Убивала. Но вкус победы неуловимо ускользал. Лишь пустота и холод разливались в груди.

И на пороге смерти Зверь всегда преображался. Появлялся отец, истекающий кровью. Он смотрел на Литу, и меч выскальзывал из ее ладони. А потом – отец превращался в юношу.

Молодого, красивого, с черными, как ночь, волосами и глазами, пылающими, словно сапфиры. Юноша тянул к ней руки, она бросалась к нему. Прижимала к груди, пыталась помочь, зажимая рану. Но кровь сочилась сквозь пальцы, пропитывая одежду... И в следующий миг девочка держала на руках младенца. Мальчика. Он смотрел все теми же двумя ясными сапфирами и улыбался; а кровь все не останавливалась. Его глаза постепенно меркли. А Лита стояла на коленях, прижимая малыша, и руки по локоть покрывала багряная липкая влага...

В этот момент она просыпалась.

Лита встала с кровати. Солнце еще не взошло, и через открытое окно в комнату проникал прохладный воздух. Потягиваясь, вышла на балкон. В эти предрассветные часы небо начало лучиться, а облака казались черными, словно уголь. Призрачные горы лишь угадывались в утреннем тумане. Легкий ветерок трепал волосы, овеивая свежестью.

Она прикрыла глаза, подставляя юное лицо прохладным «ладоням». Они взъерошивали волосы цвета расплавленного металла, теребя непослушный локон, вечно спадающий на глаза. Скользили по высокому лбу, нежно гладили очерченные скулы, пробегали своими «пальцами» по чуть вздернутому длинному носу, по щекам, по острому подбородку. И спускались по изящной шее на плечи, лаская кожу, напоминая свежее летнее утро Хемингара.

Девочка открыла глаза и, окинув взглядом окружающий лес, вернулась в дом. Потребовалось совсем немного времени, чтобы облачиться в ставшие уже привычными льняные штаны и рубаху. В Ардегралетте они показались бы, мягко говоря, тонкими. Даже летом. Даже Перворожденным.

Открытая дверь в комнату Саодира, означала, что он тоже уже встал; ступени скрипнули, когда Лита двинулась вниз. Охотник по обыкновению сидел на террасе, и разглядывал розовеющее восточное небо.

– Доброе утро, – произнес Саодир, не поворачиваясь, когда Лита переступила порог.

– Доброе, – шаги девочки беззвучно «легли» на террасу, а затем – на крыльцо. – Что так рано?

Он, и впрямь, поднялся несколько раньше обычного.

– Сегодня отправлюсь в город.

Лита не отреагировала.

Влажный от росы травяной ковер упруго пружинил под ногами, когда босые ступни девочки касались его по пути к колодцу. Ведро плюхнулось в глубине, и тонкие пальцы взялись за ворот; ни один скрип не нарушил утренней безмятежности. Поставив ведро на край, Лита зачерпнула воду ладонями и брызнула на лицо. Ледяной холод обжег кожу, но она не вздрогнула. Вода не только бодрила, но и проясняла мысли, после мрачных сновидений.

– Поедешь? – обыденным тоном добавил Саодир.

Лита так и замерла – вода медленно сочилась сквозь немеющие пальцы.

За все время, что она провела здесь, охотник ни разу не брал ее в город. Он, конечно, и сам туда ходил не часто. Почти все, в чем они нуждались, у них имелось. Но он не брал ее с собой. Никогда. Говорил, что это опасно. В этом Мире не должны знать, кто она, и уж тем более, откуда пришла.

Все это время, он учил ее контролировать свою сущность, и не шипеть, выпуская клыки, на любой неожиданный звук.

И Лита всегда внимала урокам.

И терпеливо ждала, когда придет день, и она свершит месть над тем, кто лишил дома и родителей. Она не знала, как поймет, что пора. Как из однообразно пролетающих дней узнает нужный. Но не покидала уверенность, что поймет и узнает. И в голове уже давно созрел план мести. Простой, как дыхание и короткий, как вздох – найти и убить!

Детали, конечно, рисовали все более красочно, но суть от этого не менялась.

К тому же, горы находились в другой стороне, потому она никогда не напрашивалась. Врожденное любопытство, как-то само собой отошло на задний план, спрятавшись за воспоминаниями «последнего дня». И потому же – крайне удивилась, когда охотник спросил.

Девочка, прищурившись, наблюдала за Саодиром, не шутит ли? Но тот делал вид, что не замечает ее взгляда, хотя Лита знала, что это далеко не так. Он умел поразить своей наблюдательностью.

Вот и сейчас, даже не взглянув на нее, явно заметил недоумение.

– Твое нетерпение растет. Сны становятся чаще, – пояснил он. – Ты все время думаешь о... нем. Может, хоть Эренгат отвлечет тебя. Может, заставит отказаться...

– Пойду, – любопытство девочки все же взяло верх.

Саодир оторвал задумчивый взгляд от деревьев, натолкнувшись на искрящиеся изумруды. На лице появилась печальная улыбка, будто прочел мысли, вертевшиеся в голове Литы.

– Скоро выходим, – отхлебнул из кружки, и ушел в дом.

Лита обернулась, на деревья, надеясь там что-то увидеть: что-то, что рассматривал Саодир. Но взгляд ни за что не зацепился. Ни за что, кроме Призрачных гор, проявившихся сквозь туман, и неустанно напоминавших, как она оказалась здесь и куда стремится вернуться.

«Но от мести не откажусь!» – пронеслось в ее голове.

Эренгат – самый крупный город Гольхеймурина в Западном королевстве. Южнее, между ним и Призрачными горами, простерся Заповедный лес, где никто не селился.

Никто, кроме Саодира.

Кони неспешно переставляли копыта, и груженная телега мерно покачивалась, стуча колесами по лесной тропе. Вокруг постоянно что-то копошилось, шелестело, шебуршало. Хлопали крылья, потрескивали ветки. Путники нисколько не смущали непуганых обитателей.

Солнце двигалось на полпути к зениту, когда Саодир с Литой въехали в Эренгат через восточные ворота.

В нос тут же ударили сотни запахов, из которых приятными девочка могла назвать лишь единицы – поморщилась. После чистого лесного воздуха, создавалось впечатление, что окатили из отхожего ведра. Казалось бы, в городе, куда верхом пускали ограниченный круг лиц, не должно пахнуть, как от немытого хряка. И все же, стойкий аромат немытых тел едва не валил с ног.

От ворот, главная улица вела напрямик на рыночную площадь – при всем желании не заблудишься. Слева от рыночной площади показался постоялый двор. За ним виднелись высокие башни – храм ордена Нового Света, как объяснил Саодир (несколько презрительно, как показалось Лите). Крыши сверкали начищенным золотом, а острые шпили возвышались над всеми остальными строениями. Выше возносился только дворец короля, что, в отличие от храма, выглядел более сурово. Впереди, сразу за площадью, приютилась таверна.

«Рудничный город», как назвал Саодир, занимался в основном добычей и поставкой железа. Западную Гряду – горы, что протянулись почти через весь Гольхеймурин с севера на юг, словно продолжение Стальных гор – сплошь изъели штольни, часть из которых уходили на такую глубину, что рабочие днями не видели света Эриана. А так как металл из восточного Кломарка практически в полном объеме скупался Регелстедом – столицей Империи Ориен, – Эренгат, фактически, «кормил» всех остальных. Находились даже умельцы, что плавил местную руду с особыми добавками, и ковали сталь, почти не уступающую клomarской.

«Клостенхемская лучше», – со знанием дела заметила Лита, когда охотник только начал обучать ее кузнечному делу.

И как выяснилось, знала, о чем говорит.

Под чутким надзором девочки, помнящей все уроки отца, Саодир выковал два парных меча с изогнутыми вперед клинками. Лита тогда сперва огорчилась, что не проступил, прису-

щий «кlostенхему», «морозный узор». Но опробовав, осталась довольна: мечи, даже врубаясь в «кломарк», нисколько не зубрились.

Лита нарекла клинки – опять же памятью о доме – Эли и Раи. В честь Древних драконов: Элкерома и Раэнсира. Но попросту называла Когти, намекая на когти драконов. И неважно, что имена звучали нежно и ласково, кольчужный хауберк они разрезали, как пергамент. А заточка по обоим краям несла смерть в любом взмахе.

«Колющий удар таким клинком затруднителен», – заметил тогда Саодир, назвав мечи «вейланами» [досл. «кривой (изогнутый) клинок», короткий меч с изогнутым вперед клинком, махайра]. Но даже он признавал, что против нескольких противников особо не поколешь. А в руках бьющейся Охотницы, мечи оставляли лишь мерцающий след. Если жертвы – иначе и не скажешь! – будут наполнены «влагой жизни», багрянец захлестнет все вокруг.

Тогда же сработали и лук охотнику. Что хоть и уступал в изяществе его резному, но усиленный стальными пластинами, вкуче с выкованными из новой стали наконечниками стрел, пронзал лучшую «кломарскую» кирасу, а «эренгатскую» кольчугу бил и вовсе навывлет.

Саодир оставил Литу с повозкой у постоялого двора и растворился среди торговцев. Волноваться за девочку не стоило – на рынке всегда дежурила стража. К тому же, он прекрасно знал ее умение обращаться с Когтями, рукояти которых выглядывали из-за спины на уровне поясницы.

В его отсутствие Лита успела осмотреться и потолкаться среди лавок. На торге преобладали шкуры и меха, что в преддверие зимы пользовались особым спросом. Но имелись и прилавки с посудой, украшениями и даже несколько с оружием из столицы.

Изящные брошки, браслеты, цепочки. Тарелки и кубки, украшенные самоцветами. Эти вещи, рассчитанные не на всех, ждали своего покупателя: цены «рычали и кусались». За одну маленькую брошь из «желтого металла» со сверкающим адамантом, торговцы просили, больше чем за добротный выкованный клинок. И даже Лите, прежде не знакомой с торговлей, ценность сих брошек казалась явно сомнительной: сыт камнями не будешь. Да и что для воина может быть дороже стали в ладони?

И вот оружие, и впрямь, притягивало взгляд.

Здесь имелись и хедморя, и полоторные маскаты. И любимые Литой парные, среди которых присутствовали, как прямые крайверы, так и изогнутые, подобно Когтям, вейланы и кипуры [от «кип» – резать, любая сабля (скимитар, катана)] – загнутые, в противоположность вейланам, назад, и заточенные по выгнутой кромке. Нашлось и несколько экрасуров с расширяющимся к острию лезвием. Рядом лежали устрашающие дахондиры и ваирлоты, скалящиеся «клыками вепря», и логмеси с «пламенным» лезвием... Лицо Литы дернулось, когда последних коснулся взгляд: она, как сейчас, помнила волнистые «двуручники» в руках Зверей, ворвавшихся в Хемингар.

Нашлось место и украшенным самоцветами кинжалам. Но на «оружие женщин» девочка лишь презренно фыркала. В их смертоносности сомневаться не приходилось, но: «Честная смерть, лучше бесчестной жизни», – всегда учил отец. А в скрытом оружии, место которого за голенищем, нет чести, оно бьет «в спину».

Саодир, правда, упоминал о наемниках, которых в Гольхеймурине звали Убийцы-без-Чести. Они, по его словам, предпочитали именно кинжалы и всяческие метательные ножи. Причем, чем незаметнее, тем лучше. Он говорил, что приходят наемники всегда ночью, и защитить не сможет никакая стража.

Вот только... Обращались к Убийцам лишь в самых крайних случаях. И не столько от того, что разыскать их стоит определенных усилий, или, что берут они за услуги не мало. Больше влияла репутация... Заказ-то будет выполнен, в этом никто не сомневался. Но где гарантия, что жертва не предложит новую сделку? Кто же захочет всю оставшуюся жизнь спать с мечом?

...Саодир вернулся довольно быстро. Несколько носильщиков подхватили привезенное – в основном шкуры и вяленое мясо и рыбу – и разошлись по рыночной площади. Охотник не торговал сам, предпочитая сбывать товар лавочникам. Довольны оставались все: торговцы зарабатывали лишнюю монету, а Саодир сэкономил время. Вырученного с лихвой хватало на все необходимое.

Последний служака забрал шкуры и исчез из поля зрения, затерявшись в толпе; кошель Саодира скрылся за пазухой.

– Я схожу, договорюсь, чтобы все подготовили. А ты иди, поешь.

Он протянул девочке несколько серебряных монет, указав на таверну.

– И будь осторожнее.

– Я могу за себя постоять, – сверкнула глазами Лита.

Саодир усмехнулся.

– Именно этого я и опасуюсь.

Лита провожала охотника взглядом, пока толпа не поглотила его, и направилась в «Пристанище Эрли» – таверну, что за рыночной площадью.

Вопреки ожиданию, заведение оказалось довольно уютным. Чистое убранство светлого зала радовало глаз, а с кухни доносились ароматы мяса и свежее испеченного хлеба. У противоположной от входа стены протянулась высокая стойка. В правой части расположились грубо вырубленные столы. А левую – заслоняла перегородка, там находился отдельный зал для почтенных гостей, где сейчас, сквозь филленчатые стенки, мелькали бордовые плащи.

Посетителей оказалось немного. Двое Смертных уселись за дальним столиком справа, да еще двое протирали локтями стойку. Последние как раз и издавали основной шум, оживленно споря. Одежды выдавали рабочих только вернувшихся с вахты с Западной гряды. И судя по запаху, домой они еще не заходили...

Спор затих, а взгляды устремились на девочку, лишь только нога переступила порог, глаза рудокопов масляно засверкали.

Но Лита, не обращая внимания, прошла к столику в ближнем углу справа – отсюда вся таверна, как на ладони, и до выхода рукой подать. Тут же возник мальчонка, предложив кашу с мясом на углях, свежие овощи на выбор, спросил: «Чего госпожа предпочитает пить?» – и, получив необходимые ответы, удалился.

Но одиночество Литы оставалось недолгим...

– Привет, кроха, – напротив бесцеремонно подсел рудокоп. – Может, составишь нам компанию?

Второй с шумом отодвинул стул, занимая место рядом с приятелем.

– Не переживай, мы будем щедры, – ухмыльнулся он.

Мужчина потянулся к девочке через стол немытой ладонью, с чернеющей под ногтями грязью. Глаза, разгоряченные элем, жадно ощупывали фигуру, скрытую мальчишковыми одеждами и кожаным жилетом. Зубы хищно оскалились. Он подался через стол...

Левая рука Литы неуловимо мелькнула в воздухе, словно молния, раскалывающая небо и извергающая в мир потоки дождя. Всего одно короткое движение – удар раскрытой ладонью, – и голова рудокопа дернулась назад; мышцы шеи произвольно напряглись, в попытке удержать ее, и в этот момент правая рука Литы легла на затылок и с силой рванула на себя.

Лицо мужчины с треском врезалось в отполированный временем стол, окрасив прыснувшим багрянцем; кружки подпрыгнули, расплескивая эль. Рудокоп запоздало отшатнулся, часто моргая широко распахнутыми глазами – даже инстинкты, всегда опережающие разум, не поспевали за движениями Литы. Кровь сочилась из ноздрей мужчины, текла по подбородку и капала на его, и до этого не совсем чистую, засаленную рубаху.

Смертные за дальним столиком безразлично взирали на происходящее – то ли здесь не в чести заступаться, а то ли поняли, что девочке не требуется защита.

Рудокоп, наконец, разразился натянутым воем, собирая кровь в подставленную ладонь.
– Она... сломала мне нос!

С той же легкостью, Лита могла убить его, вложив еще в первый удар чуть больше силы, но Саодир просил быть осторожнее...

– Ах, ты!.. Дрянь! – завопил подсевший первым, вскакивая со стула.

До его замутненного сознания только теперь дошло, что случилось. Мужская ладонь скользнула к сапогу, где торчала рукоять кинжала – в Ардегралетте за одно это ему грозило всеобщее осмеяние... В лучшем случае...

Но девочка не шелохнулась. Два изумруда ловили каждое движение. Ожидание момента, когда он бросится, стянуло время в тугой кокон. Будущее и настоящее сплелись между собой... Кривой кинжал тускло блеснет в свете масляных ламп, Эли выскользнет из ножен, хищной усмешкой озарив зал, и жадно вопьется изогнутым когтем мужчине в горло... Алая тень ляжет на столешницу...

Глухой металлический удар заставил всех в таверне замереть; даже Лита невольно вздрогнула, не заметив чужого приближения – что недопустимо для Свободной Охотницы!

На столе перед девочкой замер прекрасный маскат, сжатый широкой ладонью, стальная крестовина искрилась узором из алмазиков, по клинку, тонкими нитями, струилась гравировка, металл сверкал в лучах, проникающего в окно солнца.

Девочка подняла голову.

Нагрудник, усеянный золотой вязью, охватывающей солнце с пятью лучами, поблескивал начищенной сталью, а за плечами воина трепетал бордовый плащ отороченный золотом. Суровый взгляд следил за рудокопами; еще четверо воинов в таких же плащах безучастно держались в стороне – это их и видела Лита за филанчатыми перегородками зала для почтенных гостей.

И как только Лита подняла голову, весь окружающий мир поплыл, истаивая, словно туман. Глаза жадно впились в профиль: прямой нос, иссиня-черные волосы, подбородок обрамленный бородой «косичкой», перехваченной серебристой лентой. И глаза цвета глубинных вод.

Она узнала его! Это его она видела в день, когда вышла из пещер! Это он – Зверь!.. Нисколько не изменился...

Дыхание перехватило, и Лите стоило огромных усилий выдохнуть, сохранив спокойствие и присутствие разума.

Рудокоп отступил, медленно убирая руку подальше от кинжала и зло сверкая глазами; потянул, хлюпающего разбитым носом приятеля, назад к стойке... Если бы он знал, насколько ему повезло, что не успел кинуться на девочку со своим «обрубком», упал бы, наверное, в ноги воину, благодаря за спасение...

– Тебе не стоит ходить одной в такие места, – серебристая лента на бороде «косичкой» кольхнула, когда мужчина повернул голову.

Взгляд уперся в Литу.

– Я могу за себя постоять, – процедила Лита.

– Не сомневаюсь, – губы мужчины растянулись в добродушной улыбке, обнажив ровные зубы.

Меч, щелкнув, скрылся в ножнах, не менее щедро украшенных все теми же алмазами.

Она так долго ждала этого дня, и вот он перед ней! Она часто представляла, как выхватывает меч, как бросается на него. Как кровь из разрубленного горла скользит по клинку, по эфесу, как слипаются пальцы от этой теплой багряной влаги. Как он обессилено падает на колени. Хрипит, зажимая смертельную рану – горло булькает, он что-то пытается сказать, но слов не разобрать. Да, они и не важны: она не собирается слушать! Ей не нужны мольбы о пощаде! Достаточно видеть, как жизнь покидает тело... Чтобы еще живая ладонь отпустила

меч... Чтобы вороны выклевали потухшие глаза, а волки растерзали плоть, лишая сожжения и любого шанса предстать перед Богами. Ей не нужны его муки – нужна только смерть!..

Но оба Когтя все так же покоились в ножнах. Лита словно окаменела от неожиданности. Что-то удержало от отчаянного броска. Словно чья-то сильномогучая длань легла на плечо, не позволив вскочить, взмахнуть сталью... Словно кто-то неуловимо шепнул: «Не сейчас...» И какая-то незримая цепь сковала тело...

Или это страх? «Нет!» – Лита отмела эту мысль.

Она направила все силы на то, чтобы не выдать себя, чтобы ни один мускул не дрогнул. Постаралась вести себя естественно.

– Впредь, будь осторожнее, – мужчина спокойно развернулся и направился к выходу.

А Лита смотрела в удаляющуюся спину – золотое солнце всходило на темно-бордовом плаще, отбрасывая такую же золотую рябь, словно поднималось из кровавых глубин. Волосы, водопадами тьмы, струились по плечам и чуть колыхались при каждом движении. Кольчужный хауберк шелестел в такт шагам...

«Как я могла не заметить, когда он подходил?! – корила себя девочка. – Как не услышала?!»

Чуть выждав, Лита бросилась следом.

Когда она выскочила на улицу, мужчина удалялся верхом на статном белом жеребце в сопровождении четырех всадников. Они выехали за ворота и понеслись в восточном направлении, оставляя после себя клубы пыли.

А девочка стояла и смотрела им вслед; ладонь лежала на рукояти чуть выдвинутого Эли, и казалось, что даже это усилие – достать всего на четверть – далось с огромным трудом. Словно кто-то давил на сверкающее навершие, не позволяя клинку вдохнуть полной грудью свежего утреннего воздуха, мешая стали утолить жажду...

Но мог ли Перворожденный не узнать ее запах?!

«Пропать, Боги! К чему эти игры?!» – в сердцах воскликнула Лита, с силой вгоняя клинок обратно.

Девочка безразлично ковырялась в тарелке, когда вернулся Саодир. Он с порога кивнул службе, знаками показав повторить заказ девочки, и тот шмыгнул на кухню. Лита не подняла глаз, ни когда доски пола скрипнули под золотоволосым, ни когда он опустился на стул напротив.

Саодир окинул таверну скучающим взглядом, чуть задержавшись у стойки.

– Уже нашла друзей? – усмехнулся охотник, отметив, что рудокопы бросают на девочку полные ненависти взгляды.

Один из мужчин все еще прижимал к носу окровавленный рукав.

– Золотое солнце с пятью лучами, – не подняла головы девочка. – Кто они?

Саодир мгновенно стал серьезным, пятерня взъерошила волосы.

– Орден Нового Света, я рассказывал. Их храм в южной части города, за рыночной площадью...

– Хорошо, что магистр Холар оказался рядом, – вставил, прибежавший мальчонка, выгружая тарелки с подноса, – А то бы такое началось...

И тут же замолк, оробев, что невежественно встрял в чужой разговор. В глазах забилось сожаление о не вовремя вылетевших словах... Ну, кто тянул за язык?! Теперь точно не дождется ни медяка сверху... Вон, как господин строго смотрит! Чего доброго еще и подзатыльник даст...

Мальчишка втянул голову, но все же остался – за еду-то нужно получить положенное.

Саодир мягко улыбнулся, без труда прочтя все на лице мальчика.

– Магистр Холар? – переспросил охотник, в воздухе «подмигнула» монета. – Расскажи.

Зоркие юные глаза на лету распознали золотой, маленькая ладонь ловко поймала, и тот мигом скрылся в кармане; мальчик просиял.

– Да, я толком и не понял, что произошло, – вполголоса затараторил служка. – Видел только, как они, – голова не глядя кивнула на рудокопов, – подсели. Один потянулся... А потом – тресь! И въехал носом в стол... Вроде как сам... – ореховые глаза мальчика робко покосились на девочку.

– Так уж и сам? – усмехнулся Саодир, глянув на Литу, но та все так же невозмутимо раздирала мясо на волокна. – Про магистра расскажи.

– Так вот, я и говорю! Я только хотел за стражей... Тут-то и появился магистр Холар!.. Второй-то, из этих, за кинжалом потянулся... – мальчишка поморщился. – А магистр ка-а-ак хлопнул по столу мечом, так все и притихли. Я тоже, когда подросту, пойду в Орден! Стану магом!

Мальчонка расцвел от этих мыслей – он уже видел на себе бордовые с золотом цвета.

– А Холар – он магистр чего? Какой стихии? – охотник бесцеремонно выдернул его из грез.

Служка ошеломленно захлопал на Саодира глазами, как на лишнего рассудка.

– Холар он самый Старший в Золотом Совете! Он такое может!.. Если бы не он, Империя вообще развалилась бы после смерти короля Рикара! Холар ведь его дело продолжил – мир с Высокородными поддержал!.. – взгляд мальчика скользнул в сторону.

Хозяин за стойкой хмуро кивнул на угловой столик, где двое Смертных нетерпеливо поглядывали.

– Спасибо за рассказ, – не стал задерживать Саодир, и подмигнул, бросив серебряник: – За еду.

И когда мальчик ушел, Лита, наконец, оторвалась от тарелки. Лицо девочки редко выражало мысли, но по блеску изумрудов все становилось яснее ясного.

– Как он меня не узнал? – взволнованно прошептала девочка. – Любый Свободный Охотник узнал бы мой запах!

– Может дело в том, откуда ты? Может Эриан скрывает запах твоей крови? А может магия забивает нюх? Честно говоря, я тоже не чую тебя, как-то «по-особому»... Почему ушел, если узнал? Западня? К чему такие сложности? Схвати он тебя прямо здесь, никто не посмел бы и пикнуть.

Лита покачала головой, не зная, что ответить. Может охотник прав, и ее кровь в этом Мире, и в самом деле, пахнет как-то иначе, не выделяется.

– Меня больше волнует другое, – продолжал Саодир отстраненно. – Первородный? Здесь, в Ярком Мире, под «золотыми лучами»? Чего еще мы не знаем?! Звери?..

– Звери не вышли из пещер, ты же помнишь.

– Помню.

Тяжелые мысли отражались на лице Саодира, сводя брови все ближе.

– Они, видимо, возвращаются в Регелстед, – наконец, выговорил он задумчиво.

Ему не нравилась эта петля Линий Жизни, столкнувшая Литу с Холаром столь неожиданно. Да еще так многозначительно, что поди разбери.

Девочка дунула на непослушную прядь, что так и норовила залезть в глаза. Кивнула каким-то своим мыслям, поджав губы:

– Выйдем перед закатом.

– Куда выйдем? – непонимающе заморгал Саодир.

– В Регелстед. Первая часть плана выполнена, осталась вторая. Богине было угодно, чтобы я встретила его здесь!

– Может она просто играет с тобой? – возмутился Саодир. – Желает посмотреть, какой выбор ты сделаешь? И куда он заведет тебя? Это вполне в ее духе...

– Я уже давно сделала свой выбор. Остается только придерживаться его... что бы ни случилось.

Девочка выглядела полной решимости, глаза пламенели. И в этих двух, таких живых и лучащихся изумрудах, сейчас не отражалось ничего, кроме предвкушения сладкого запаха крови и липкого холода смерти.

«Решив однажды, нужно идти до конца, – всегда говорил отец. – Иначе, если ты сама не будешь доверять себе, почему другие должны делать это? Живи и умирай согласно своим решениям».

Солнце последний раз сверкнуло на горизонте и погасло, погрузив Гольхеймуринов в тьму. В это время небо становилось таким черным, что практически сливалось с окружающей ночью. А Другие Миры сияли так ярко, что казалось, будто тысячи светлячков кружат над головой – стоит протянуть руку и можно схватить.

Младшее из Ночных Солнц поднялось из глубин Восходного моря и бежало по небосклону навстречу еще дремлющему старшему брату, но сил одинокого Радеса не хватало, чтобы одолеть окружающий мрак – видимо, все же много сил отдал в войне с Кровавыми Богами.

Впрочем, девочке света вполне хватало.

Мысли роились в голове, словно пчелы в улье. Так же она чувствовала себя, когда Саодир рассказывал, о встрече с Деррисом Морте – ее отцом. Он говорил, что Деррис спас ему жизнь, в те времена, когда умер король Рикар, и Орден «унаследовал» власть над Империей.

Лита помнила каждое слово того разговора. Тогда она впервые спросила, почему Зверь назвал его Дитя Солнца?

– ...И когда Золотое Солнце озарит мир бордовым рассветом, и ознаменует приход тех, на чьих плечах покоится первородная тьма, способная накрыть все живое, из призрачных глубин явится Дитя Солнца...

– Пророчество о Линд де Риан? – удивленно нахмурилась маленькая Лита.

Саодир кивнул.

– Пророчества часто звучат очень путано. Но еще чаще, в достаточно прямолинейных словах, мы сами ищем некий тайный, глубокий смысл, – он задумчиво покусывал губу. – Я тоже не понимал, пока над Регелстедом не взвились бордовые стяги с золотым солнцем о пяти лучах. А потом... потом встретил тебя.

И Лита понимала, к чему он вспомнил пророчество. Она без пояснений сложила голову. Даже та часть, что Саодир пропустил, нашла свое место – отец всегда говорил, что она очень сообразительна.

Она и есть Дитя Солнца!

Охотник смотрел на девочку, что слушала каждое слово. И понимал, какие мысли сейчас, возможно, рождаются в ее голове... Возможно, родители были бы живы, не встретить тогда золотоволосый ее отца. Возможно, не он, Саодир, учил бы сейчас обращению с оружием, а может – и не с оружием вовсе. Возможно, все эти годы не он укладывал бы ее спать, а мама – пела бы колыбельные, поправляла меха. Девочка жила бы спокойно в своем замке, где все знакомо и привычно; и не терзалась бы жаждой мести в этом чуждом для нее Мире, где даже солнце не терпит таких, как она... Хотя, ее-то как раз Эриан принял...

Саодир уже готовился к встрече с Богами, но помощь пришла, откуда и не ждал вовсе! Судьба?.. Тогда охотник недоверчиво – и даже пренебрежительно – относился к Инниут. Богам сложно доверять: у них всегда свои планы, своя справедливость. Но Богиня привела Дерриса ему на помощь...

Впрочем, последствия той помощи оказались более чем жестокими и пугающими. Столько крови пролилось...

«Так, что же, по-другому и быть не могло?» – думал Саодир, глядя на девчущку шести витков от роду. «Линии Жизни переплелись настолько тесно, что она все равно бы оказалась здесь? И его задача... помочь? Или... Или от них вообще ничего не зависит?! Нельзя ничего остановить и предотвратить? Судьбы сплетаются по воле Инниут и этому не помешать?.. Боги – как же туманны ваши пути и намерения!»

Но вслух сказал:

– Жизнь за жизнь.

И Лита уже тогда прекрасно знала, что значат эти слова, которые могут быть и обещанием, и проклятием. Она не раз слышала их в родном Ардегралетте. Так говорили многие, пришедшие в Хемингар, впервые представ перед отцом – почтительно склоняли головы под пронзительным взглядом Айдомхара и прижимали кулак к левой груди, там, где сердце... И оставались навсегда.

Губы маленькой Литы плотно сжались, челюсть стиснулась, и на щеках проступили желваки.

А Саодир продолжал:

– Когда мир восстал, разразилась война, что теперь называют Светлой. Кровавые Боги были сильны, и никто не мог противостоять им. Но Великий Воин объединил Смертных, Высокородных и Перворожденных. И все вместе они изгнали Богов. А когда война закончилась, Перворожденные повернулись против остальных. Они хотели править. Одни, без посторонних. Тогда-то часть Высокородных и приняли Дар Морета. Они пожертвовали посмертием, чтобы выстоять против Перворожденных... Война была короткой, но очень кровавой. Перворожденных не осталось в Мире, как и тех Высокородных, что приняли Дар Проклятого Бога... Но даже Смертные до сих пор помнят «серебряный меч, что встал на защиту Мира».

Лита молчала, закусив губу так сильно, что во рту появился привкус железа; на стол упала багряная капля; Саодир протянул платок.

Девочка прекрасно знала, о чем он. «Garet Ingur!» – гласила надпись выведенная под серебряным мечом на алом поле. На гербе Хемингара, гербе Свободных Охотников, гербе ее отца!

– Кольцо, что у тебя на шее... – продолжал тем временем Саодир. – Не то, что оставил Зверь, а другое...

– Кольцо моего отца... – рассеяно пробормотала девочка, невольно потянувшись к груди, где под рубахой грелось серебро.

– На нем гербовая вязь тех самых Высокородных...

– Моего отца...

– Рода, что уничтожил Перворожденных!

Лита вытянула шнурок из-за пазухи, серебро блеснуло при свете свечей, пламя отразилось на гранях. И вместе с кольцом отца на ладони лежало кольцо Зверя. То кольцо, что он бросил ей. Его тоже украшала гербовая вязь – Лита узнала ее еще тогда, у пещер... Но отец никогда не описывал их ТАКИМИ, ни разу не упоминал, что они умеют!..

Саодир вновь заговорил, и голос звучал отстраненно:

– Выходит, все было несколько иначе, – размышлял он вслух. – Сила Морета навлекает Гнев Эриана. Видимо, приняв Дар, Высокородные навсегда лишили себя возможности вернуться. И остались... охранять границу, чтобы не пустить Перворожденных в Яркий Мир.

– Зверь – он... Перворожденный, – вздрогнула Лита, теперь уже абсолютно уверенная в своей догадке.

«Почему они не любят нас?» – вспомнился вопрос, что она задавала отцу.

Память услужливо выхватывала из глубины все, что девочка когда-либо слышала. Складывала то, что рассказывал Саодир, с тем, что говорил отец. Мысли метались, словно искры костра, вспыхивали новыми красками, заполняя пробелы. И все становилось таким понятным...

– Ты лучше думай о том, что будешь делать, когда доберешься, – прервал воспоминания Саодир.

Но Лита лишь крепче сжала поводья.

– Жизнь за жизнь, – тихо, с нажимом, произнесла она, глядя, как темная дорога проскальзывает между ушей коня.

И новая волна накатила, захлестнув с головой...

Отец всегда говорил, что Воля сильнее Судьбы, что всегда можно выбрать свой путь. «Судьбу Мира ты этим не изменишь, – говорил он, – у Богини Инниут всегда есть запасные пути, и что уготовано Миру – свершиться. Но твои Линии Жизни лишь в твоих руках. Лишь ты способна решить, что делать, а чего – нет. И отвечать за свои решения тоже только тебе. И в первую очередь перед собой. Потому что честь нельзя отобрать, ее можно только отдать. А если твоя воля сильна, то и Судьбу Мира можно переломить».

Но тогда получалось, что Судьба решила все заранее. Решила, что Лита придет в этот Мир и встретит Саодира. А значит, та же Судьба решила, что и отец, и мама должны умереть... Еще утром Лита с нетерпением ждала возвращения в Хемингар, в Ардегралетт. Ждала долгие девять витков... Но единственный раз выбралась в город и – встретила Зверя. Первороденного. Своего врага! Убийцу своего рода! Встретила совершенно не там, где ожидала... Тоже Судьба?

И еще пророчество о Линд де Риан... Насколько глубоко ее Линии Жизни вплетены в Судьбу Мира? И если все не случайно, что ждет впереди? По своей ли воле она идет? А если остановится – будет ли это ее решение?

Брови Литы медленно сдвигались, лоб морщился, лицо мрачнело. Непослушный локон мерцал перед глазами призрачным светом Других Миров, пламенел раскаленным металлом, что отражаясь в глубине изумрудов, играл кровавыми всполохами.

Неужели ее воля оказалась настолько слаба и беспомощна, что Инниут играючи сдержала ее руку в угоду своим планам? Не дала выхватить меч, там, в Эренгате? Неужели ей не одолеть?... В пророчестве говорится, что «Дитя Солнца способно противостоять тьме»... Противостоять, а не победить!.. А, ведь и правда, во сне Лита не чувствовала вкуса победы... Тогда для чего она сейчас едет в Регелстед?!

Зародилось сомнение, а не выбрал ли за нее кто-то и этот путь, что ведет в самое сердце Гольхеймурина? Мог ли Зверь не узнать ее?!

«Жизнь за жизнь! – стискивая зубы, твердила себе Лита. – Честная смерть, лучше бесчестной жизни!»

А честь требовала отмщения!

Отец говорил: «Плохой план, лучше, чем его отсутствие». Но совпадает ли ее план с планом Инниут? И что за игру затеял Холар?..

«Иногда судьбе нужно просто следовать, – подсказала память слова мамы. – И это решение никто не властен принять за тебя. Ты можешь воспротивиться, можешь отказаться – судьба все равно найдет тропинки – найдет кого-то другого. Но если твои Линии Жизни тесно сплетены с Судьбой Мира, от твоего выбора зависит очень и очень многое. И чтобы принять этот путь, нужно иметь гораздо более сильную волю, нежели для того, чтобы отмахнуться от него. Но, независимо от твоего решения, то, что должно произойти в Мире, обязательно произойдет. Это лишь вопрос времени – а как раз его у Богов в избытке, они могут позволить себе ждать...»

Мама верила, что каждому что-то уготовано, что Богиня ведет всех...

Лита упрямо тряхнула головой: «Что ж, я приму судьбу, и пускай она ведет меня... Пока нам по пути. Но Боги, впредь вам лучше не мешать мне! Я свершу свою месть, даже если у Судьбы другие планы!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.